Аркадий Старцев

Московский шифр

1901–1903

Аркадий Старцев

Московский шифр. 1901-1903

«Автор»
2026

Старцев А.

Московский шифр. 1901-1903 / А. Старцев — «Автор», 2026

Москва, 1901 год. Следователь исчезает из запертого кабинета, оставив горячий чай и переведённые наполовину листы древнего манускрипта. Толмач Веденин, его рассеянный помощник Паша и племянница покойного барона выходят на след: древний язык — это координаты, а дверь открывается голосом. За ними идут те, кто хочет черпать из-за врат первоисточник всякой материи.Одна строка:История толмача у Ильинских ворот, который умеет читать не глазами, а умом, — и языка, для которого человек, произнёсший имя, и есть дверь.

© Старцев А., 2026
© Автор, 2026

Аркадий Старцев
Московский шифр. 1901-1903

МОСКОВСКИЙ ШИФР

Роман

Годы действия: 1901–1903

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая. Чернила и сургуч
Глава вторая. Пыль архивов и холодный след
Глава 3. Ночной гость и особняк на Знаменке
Глава 4. Подземные воды Черторыя
Глава 5. Сорок строк
Глава 6. Тверь, апокрифы и один старый профессор
Глава 7. Книжная лавка на Покровке
Глава 8. Кофейня на Кузнецком
Глава 9. Двенадцать
Глава 10. Резонатор
Глава 11. После
Глава двенадцатая. Петербургский след
Глава 13. Граф и его коллекция
Глава 14. Паша идёт один
Глава 15. Обмен
Глава 16. Молчание на воде
Глава 17. Пречистенка
Глава 18. Письмо из Твери
Глава 19. Наёмники
Глава 20. План
Глава 21. Печать
Глава 22. Кровь на Пречистенке
Глава 23. Прага
Глава 24. Погоня
Глава 25. Лион
Глава 26. Киев
Глава 27. Константинополь
Глава 28. Последние врата
Глава 29. Рим
Глава 30. Ильинские ворота
Глава 31. Осколки
Глава 32. Обойма
Глава 33. Замок
Глава 34. Обводный канал
Глава 35. Замок
Глава 36. Побег
Глава 37. Фон Хаген
Глава 38. Дорога домой
Глава 39. Венские врата
Глава 40. Побег фон Хагена
Глава 41. Снег и трофеи

Глава 42. Новый ключ
Глава 43. ДОМ С МЕЗОНИНОМ
Глава 44. ПЕЧЬ
Глава 45. ПРИГЛАШЕНИЕ
ГЛАВА 46. ПАРИЖ
ГЛАВА 47. ПРОСЛУШИВАНИЕ
ГЛАВА 48. ТИХАЯ КОМНАТА
Глава 49. Двадцать лет слуха
Глава 50. Обе стороны воды
Глава 51. Возвращение
Глава 52. Патриаршие пруды
Глава 53. Сбор
Глава 54. Полночь
Глава 55. Дверь
Глава 56. Пауза
ЧАСТЬ IV. ТО, ЧТО ВЫШЛО
Глава 57. Гость из тумана
Глава 58. ЗА ДВЕРЬЮ
ГЛАВА 59. ВМЕСТЕ
ГЛАВА 60. ВЫХОД
ЭПИЛОГ. ИЛЬИНСКИЕ ВОРОТА

Глава первая. Чернила и сургуч

I

Октябрь 1902 года выдался в Москве промозглым, серым, как некрашеное сукно. Мелкая водяная пыль висела над Ильинскими воротами, оседая на плечах прохожих, на гривах ломовых лошадей и на медных вывесках меняльных лавок. Фонарщик только к полудню разжёг свой керосиновый огонь — и то не ради света, а ради привычки: свет в такую погоду почти не отличался от темноты. Под навесом чайной «Ярославль», где от мокрой брусчатки несло уксусом и мокрым горохом, стоял складной столик Михаила Андреевича Веденина. Ему было тридцать восемь, и обладал он той выправкой, которую не могли скрыть ни скромное — хоть и безукоризненно вычищенное — пальто, ни лёгкая проседь в аккуратно подстриженной бородке. Взгляд у него был цепкий, спокойный, до крайности внимательный: привычка человека, для которого чужое слово, оговорка или неверно поставленная запятая значили больше, чем всё остальное.

У Ильинских ворот его знали все. Уличный толмач и ходатай, он брался за то, от чего столичные присяжные поверенные брезгливо воротили нос: переводил для купцов второй гильдии каверзные контракты с гамбургскими мануфактурами, разбирал персидские накладные на каракулевые тюки и составлял слёзные прошения генерал-губернатору для неграмотных мещан. Языками он владел так, словно родился на десятке разных европейских и восточных перекрёстков, а память имел феноменальную: не перечитывал страниц дважды.

За вторым столиком, сгорбившись над кипой бумаг, сидел его помощник — Павел Сергеевич Куликов, попросту Паша. Двадцати шести лет, худой, с непослушной светлой шевелюрой и лицом, которое в равной мере выражало глубокомыслие и совершеннейшую рассеянность, он переписывал набело переводы Веденина — с той тщательностью, с какой ювелир вставляет камень в оправу. Каждая буква на своём месте, каждая запятая выверена, каждое исправление отмечено на полях.

— Паша, — не поднимая головы, бросил Веденин. — В третьем абзаце гамбургского контракта точку с запятой после «неустойки» не забыл?

— Поставил, Михаил Андреевич, — отозвался Паша, не отрываясь от листа. — И даже две. Одну по смыслу, вторую на всякий случай. Пусть герр Мейер порадуется. Веденин хмыкнул. Паша был рассеян до чрезвычайности: мог забыть зонт в лавке, оставить очки на прилавке, перепутать адрес и принести перевод не тому купцу. Но за три года совместной работы не перепутал ни одной буквы в документе, ни одной цифры в счёте, ни одной печати на копии. В бумагах он был безупречен. В жизни — катастрофически неорганизован. Веденин давно привык: его помощник живёт в двух мирах — в мире букв, где всё подчинено строгому порядку, и в мире людей, где всё летит кувырком.

К столику подошёл купец — дородный, в лисьей шубе, с багровым, вытоптанным морщинами лицом. Он нервно постучал пальцем по намокшему бланку.

— Стало быть, герр Мейер пишет, что неустойка взимается с первого числа, а не с пятнадцатого?

— Именно так, Трофим Лукич, — спокойно ответил Веденин, промокая чернила пресспапье. — В третьем параграфе употреблён нижненемецкий оборот. Вас пытаются обойти на две недели. Я вписал верное толкование на полях; заверьте у нотариуса через дорогу — и закон будет на вашей стороне. Паша, дай Трофиму Лукичу чистовик. Паша поднялся, порылся в папке и с поклоном протянул купцу лист.

— Извольте-с. Всё проверено. Я даже сверил с латинским экземпляром, хотя там латинского и нет. На всякий случай.

Купец шумно выдохнул, сунул Михаилу Андреевичу серебряный полтинник сверх платы и заковылял по брусчатке. Веденин проводил его взглядом, достал старый серебряный портсигар и закурил папиросу. Работа спорилась, день шёл своим чередом — ровно до тех пор, пока на его суконную скатерть не легла тяжёлая тень.

II

Перед столиком стоял человек в тёмно-зелёной форменной шинели с петлицами Московского окружного суда. Чиновник был молод, худ и бледен той нездоровой бледностью, какая бывает у людей, не спавших несколько суток. Мундир застёгнут криво — пуговица попала не в свою петлю, что для судебного служителя было вещью неслыханной.

— Михаил Андреевич Веденин?

— К вашим услугам, — Веденин зажёг вторую свечу, мгновенно подметив дрожь в пальцах визитёра. — Если вам требуется составить бумагу — присядьте.

— Никаких бумаг. Вызываетесь в Окружной суд. Немедленно. Приказ следователя по особо важным делам господина фон Штейна.

Веденин чуть приподнял бровь.

— Позвольте, любезный. При суде состоит штатная коллегия переводчиков. Господин Ливен прекрасно справляется с французским и немецким, старик Бабаянц — с восточными наречиями. Моя практика — вольная, частная. Пристав наклонился ближе, обдав его запахом валерьяновых капель и застарелого страха.

— Ливен... не вышел на службу во вторник. Бабаянц исчез позавчера — прямо из квартиры на Пресне. Дверь заперта на засов изнутри, а человека нет. Никого нет, понимаете? Господин фон Штейн велел доставить именно вас. Плата — пятьдесят рублей золотом за один час работы.

Сумма была баснословной — полугодовой доход мелкого служащего. Но ум Веденина насторожили не деньги, а имя Бабаянца. Старый армянин был педантом до мозга костей и никогда — ни при каких обстоятельствах — не оставил бы свои словари без предупреждения.

— Паша, — Веденин поднялся. — Собирай бумаги. Идёшь со мной. Паша, уже потянувшийся было к чаю, замер с чашкой в руке.

— Я? В суд? Михаил Андреевич, я же не одет. И перо сломано. И очки, кажется, остались в лавке у Прянишникова...

— Возьмёшь мои запасные. И перестань причитать. — Веденин аккуратно сложил бумаги в потёртый кожаный портфель. — Если там что-то серьёзное, мне понадобится человек, который переписывает быстрее, чем я думаю. А ты единственный, кто это умеет.

Паша просиял — и тут же погрустнел.

— А если меня арестуют?

— За что?

— Не знаю. На всякий случай.

— Не арестуют. Раз господин фон Штейн так щедр, не будем заставлять правосудие ждать.

III

Здание Окружного суда на Варварке встретило их гулкой, почти могильной тишиной. Обычно в этих коридорах кипела жизнь: шуршали подолами просительницы, спорили стряпчие, звенели шпорами жандармы. Сегодня же запертые дубовые двери казались глухими стенами склепа, а редкие писцы жались к углам, испуганно поглядывая на входящих.

Паша шёл рядом, прижимая к груди папку, и вертел головой с видом человека, попавшего на премьеру.

— Михаил Андреевич, — прошептал он. — Здесь раньше был дом князя Голицына. Я читал. В подвале до сих пор сохранились своды шестнадцатого века. Представляете, сколько здесь всего произошло?

— Представляю. Паша, сосредоточься. Мы не на экскурсии.

— Простите. — Паша виновато опустил голову и тут же налетел на стойку с бумагами, едва не рассыпав папку. — Ой. Нечаянно.

Пристав провёл их в дальнее, закрытое для публики крыло и постучал условным стуком в тяжёлую дверь с медной табличкой: «Следователь по особо важным делам К. Э. фон Штейн». Замки щёлкнули дважды.

Кабинет утопал в полумраке: тяжёлые бархатные шторы были наглухо задёрнуты, горела лишь настольная лампа под зелёным абажуром. За массивным столом сидел Константин Эдуардович фон Штейн. Веденин знал его заочно — сухой, педантичный законник с железной репутацией. Сейчас же перед ним сидел старик с воспалёнными, налитыми кровью глазами и лицом цвета лежалого воска.

— Оставьте нас, Родионов. Ждите за дверью и никого не впускайте, — хрипло бросил следователь. Когда дверь закрылась, он повернулся к Веденину. — Подпишите формуляр о неразглашении следственной тайны, Михаил Андреевич. Без этого я не имею права показать вам даже обложку.

Веденин без лишних слов достал серебряную перовую ручку — подарок университетского наставника, с которым не расставался пятнадцать лет, — и размашисто поставил подпись.

— Я слушаю вас, Константин Эдуардович.

Следователь отпер плоский металлический ящик, выложил на зелёное сукно кожаный бювар, опечатанный сургучными печатями без гербов: на них был выдавлен лишь странный геометрический знак — круг, рассечённый тремя ломаными линиями.

— Изъято позавчера в особняке барона Корфа после его внезапной кончины, — тихо заговорил фон Штейн. — Ливен успел прочесть три строки — прежде чем пропал. Бабаянц держал их в руках в четверг вечером. Я не верю в мистику, Веденин. Я материалист. Но люди растворяются в воздухе. Переведите мне хотя бы заглавие. Скажите, с чем мы имеем дело: с заговором, с шифром шпионов или с безумием? Паша, стоявший у двери, тихонько охнул. Веденин обернулся.

— Садись вон там, у стены. И записывай всё, что я буду говорить. Каждое слово.

— Каждое слово, — повторил Паша, усаживаясь и доставая перо. — Готов. Следователь надрезал шнуры скальпелем, откинул крышку бювара и отодвинулся к спинке кресла —

словно внутри лежала ядовитая гадюка. Михаил Андреевич наклонился над столом. Внутри лежали три плотных листа: не обычная тряпичная бумага и не пергамент. Материал отдавал сероватым перламутром и на ощупь казался неестественно холодным, точно кусок речного льда. Текст был нанесён угольно-чёрными чернилами, мелким острым почерком, безупречно ровным. Первое впечатление обманчиво подсказывало латынь — но это была не она. Строки состояли из архаичного арамейского корня, оплетённого раннесредневековыми латинскими флексиями, и вкраплений знаков, похожих на алхимические глифы шестнадцатого века.

Стоило вчитаться в первую фразу — и в висках возникло давящее покалывание, а во рту проступил металлический привкус меди. Буквы на мгновение словно шевельнулись, меняя очертания. Веденин сразу ухватил структуру: это не просто язык

— это полифоническая тайнопись, читающаяся одновременно по горизонтали и по диагоналям.

Он едва не произнёс первую фразу вслух — привычка переводчика, всегда проверяющего ритм гортанью, — но что-то остановило его. Не разум: разум как раз требовал звука. Остановила рука. Пальцы сами, судорожно, вцепились в серебряную ручку, и холод металла отрезвил. Он прочёл фразу глазами. Только глазами. И покалывание в висках отхлынуло.

Тогда он ещё не знал, что это спасло ему жизнь.

— Паша, — негромко позвал он. — Записал?

— Записал, Михаил Андреевич. Но перо зацепилось, и, кажется, я посадил кляксу на слово «врата». Можно перепишу?

— Перепишешь потом. Пока — слушай.

— Вы можете это разобрать? — в голосе фон Штейна звучала неприкрытая мольба.

— Это не шпионаж, — не отрывая взгляда от пергамента, произнёс Михаил Андреевич. — Первый абзац гласит: «Ибо врата не имеют засова, кроме взгляда того, кто произнесёт имя смотрящего». Дальше — перечисление именований. Очень древняя форма диалекта, на котором говорили в долинах южной Франции до альбигойских войн. Но есть второй слой. Чтобы составить ключ, мне нужны таблицы соответствий и покой.

Веденин быстро перенёс четыре ключевых символа в карманную записную книжку.

— Забирайте копии, делайте что угодно, — лихорадочно зашептал следователь. — Но оригинал я обязан сдать в архив особого отдела через два часа. Приходите завтра в восемь утра с расшифровкой. Вот ваш аванс.

Штейн бросил на стол тяжёлый бумажник с золотыми червонцами. Михаил Андреевич спрятал книжку во внутренний карман пальто, кивнул и вышел. Паша, спотыкаясь, последовал за ним.

IV

Тяжёлая дверь со щелчком захлопнулась за спиной. Веденин сделал несколько шагов по тёмному коридору, вдыхая спёртый казённый воздух. Металлический привкус на языке не исчезал, виски ныли тупой болью. Он машинально сунул руку в правый карман пальто, затем в карман жилета.

Пусто.

Серебряная ручка. Он оставил её на столе следователя, возле раскрытого бювара.

— Паша, ты не видел мою ручку?

— Нет, Михаил Андреевич. Я свою тоже, кажется, где-то оставил. Или не свою. Или не оставил. — Паша растерянно огляделся. — Не помню. С момента выхода из кабинета прошло не более полутора минут — пристав Родионов даже не успел отойти от конца коридора. Веденин вернулся к двери с табличкой «К. Э. фон Штейн» и постучал костяшками пальцев.

— Константин Эдуардович, прошу прощения. Я оставил перо. Тишина. Веденин постучал громче. Ответа не последовало. Он взялся за латунную ручку — и, к своему изумлению, замок не был заперт. Дубовая дверь бесшумно отворилась.

— Константин Эдуа...

Слова застряли у него в горле.

Кабинет был пуст.

Зелёная лампа ровно освещала стол. На фарфоровом блюдце стоял стакан с чаем — от него тонкими струйками ещё поднимался горячий пар. Рядом лежала забытая серебряная ручка Веденина. Но самого следователя в комнате не было. Кожаный бювар с пергаментами лежал распахнутым; чернила на служебном бланке, где следователь только что делал пометку, ещё блестели, не успев высохнуть. Михаил Андреевич бросился к окнам. Все три массивные рамы были наглухо заперты на чугунные шпингалеты изнутри. Портьеры не колыхались. Никаких потайных дверей или шкафов за спинкой кресла не существовало — сплошная кирпичная кладка, выкрашенная казённой охрой.

В коридоре послышались торопливые шаги. Родионов, а за ним бледный, как полотно, Паша.

— Господин Веденин? Вы что-то забыли? А где Константин Эдуардович? — Родионов заглянул в кабинет и попятился. — Господи! Он же только что был здесь!

— Михаил Андреевич, — тихо произнёс Паша, глядя через плечо пристава. — А чай-то ещё горячий.

Веденин медленно повернулся. Сердце глухо ударило в рёбра. Записная книжка в кармане, где остались перерисованные знаки, вдруг обожгла грудь ледяным, могильным холодом.

Теперь он знал совершенно точно: цепочка не прервалась. Очередь дошла до него.

— Паша, — сказал Веденин, и голос его был странно спокоен. — Бумаги при тебе?

— При мне. Всё записано.

— Хорошо. — Веденин взял со стола свою ручку. — Уходим. Немедленно.

Глава вторая. Пыль архивов и холодный след

I

Пристав Родионов застыл на пороге, вцепившись побелевшими пальцами в латунную ручку. Челюсть его мелко подрагивала.

— Константин Эдуардович?.. — сипло позвал он в пустоту. — Господин следователь?.. Веденин не потерял ни секунды. В экстремальных ситуациях привычка к строгой логике брала верх над паникой. Он молча шагнул к столу, забрал ручку и быстрым движением смахнул в карман пальто клочок промокательной бумаги, на котором фон Штейн делал последние пометки.

— Он только что был здесь, — пролепетал пристав, пятясь. — Окна заперты. Дверь на виду... Куда он делся, господин Веденин?!

— Успокойтесь, Родионов, — негромко, но властно произнёс Веденин. — Если вы сейчас поднимете крик, первым арестует комендант суда — по подозрению в убийстве или содействии побегу. Вы стояли у единственной двери.

— Но я ничего не делал! Я только вас привёл!

— Вот именно. Опечатайте кабинет, заприте замок и немедленно доложите председателю суда. А мне здесь оставаться не с руки. Чем меньше посторонних людей замешано в этом протоколе до прибытия жандармерии, тем лучше — для нас обоих. Паша вдруг поднял руку.

— Простите, господин пристав. А можно вопрос?

— Какой ещё вопрос?! — рявкнул Родионов.

— А вы не заметили, — Паша говорил тихо, вежливо, но с той странной настойчивостью, которая иногда появлялась у него в самые неподходящие моменты,

— что дверь была заперта изнутри? Когда мы уходили, господин следователь закрыл её на ключ. Я слышал, как щёлкнул замок. А теперь она открыта.

— Что вы хотите сказать?

— Ничего. Просто заметил. Когда я рассеян — я замечаю всё вокруг. Когда сосредоточен — не вижу ничего.

Веденин бросил на него быстрый взгляд. В этом был весь Паша: он мог забыть, куда положил очки, но замечал то, что ускользало от опытнейших сыщиков. И сейчас он был прав: дверь действительно запирали изнутри.

— Родионов. Опечатайте кабинет. Никого не впускайте.

— Понял, — выдавил пристав.

Веденин взял Пашу за локоть и быстрым шагом пошёл по полутьмному сводчатому коридору к западному выходу, в тихий Варваринский переулок.

II

Сырой октябрьский вечер обрушился на них волной холодного воздуха. Веденин поднял воротник, надвинул котелок на лоб и направился к Лубянской площади, время от времени оглядываясь — нет ли слежки. Паша семенил рядом, прижимая к груди папку.

— Михаил Андреевич, — прошептал он. — Куда мы идём?

— Ко мне. На Мясницкую. Там будем думать.

— А если за нами следят?

— Тогда мы их увидим. Или они нас. В любом случае — лучше знать, чем не знать.

— Сверь свои записи с моими, — Веденин на ходу достал книжку. — Четыре символа. Первый — круг с тремя линиями. Второй — арамейская вязь, похожая на «шин». Третий — латинская «F» с закорючкой. Четвёртый — что-то вроде алхимического знака соли.

Паша открыл папку, пробежал глазами по листу и уверенно кивнул.

— Всё совпадает. Только четвёртый символ у меня записан чуть иначе. Я подумал — это не соль, а ртуть. Хвостик загнут влево, а не вправо. Веденин остановился.

— Покажи.

Паша протянул лист. Веденин вгляделся — и тихо присвистнул.

— Ты прав. Это ртуть. — Он поднял глаза на помощника. — Понимаешь, что это значит?

— Что я ошибся?

— Что ты не ошибся. — Веденин сунул лист обратно и зашагал быстрее. — Если четвёртый символ — ртуть, формула читается иначе. Не «врата», а «жидкие врата». Или «переменчивые врата». Это меняет всё.

— Простите. Я не хотел вас сбивать.

— Ты не сбил. Ты спас. — Веденин не обернулся. — Если бы я пошёл по неверному следу, я бы, возможно, прочёл формулу вслух — как фон Штейн. И тогда... Он не договорил. Паша всё понял и так.

III

Записная книжка в кармане на груди по-прежнему ощущалась ледяным бруском, вытягивающим тепло из тела. Квартира Веденина занимала третий этаж доходного дома на Мясницкой: высокие книжные шкафы, ряды пожелтевших фолиантов на греческом, латыни и арамейском, запах сухой бумаги, сургуча и трубочного табака. Привычный мир фактов и строгой науки сегодня дал трещину. Веденин запер дубовую дверь на два оборота, не зажигая верхнего света, прошёл к столу и зажёг керосиновую лампу под зелёным абажуром.

— Садись. Первым делом перепиши всё, что у тебя в папке. Набело. В трёх экземплярах. Один оставим здесь, два спрячем в разных местах. Если с нами что-то случится — записи должны остаться.

— С нами что-то случится? — Паша побледнел, но сел и достал перо. — Я, конечно, всё сделаю. Но вы уверены, что мы не преувеличиваем?

— Фон Штейн исчез у меня на глазах. Из запертого кабинета. С горячим чаем на столе.

— Веденин раскрыл латинский палеографический атлас. — Если это преувеличение, то я — китайский император.

Он положил перед собой блокнот и вглядывался в центральный глиф — круг, рассечённый тремя ломаными линиями. «Ибо врата не имеют засова, кроме взгляда того, кто произнесёт имя смотрящего».

И в этот момент Веденин понял, что именно упустил следователь. На промокашке, смахнутой со стола в суде, фон Штейн успел записать три слова — и все три были написаны фонетически, русскими буквами, как записывают иностранное слово на слух: «ИБО-ВРА-ТА». Следователь не переводил. Следователь проговаривал. Он составлял звуковую цепочку — и на третьем слоге его не стало. Веденин отложил лупу. Символы на пергаменте не были буквами для чтения. Они были фонетической ловушкой — акустическим кодом, который резонировал с пространством лишь тогда, когда человек складывал его в единое слово вслух. Дверь открывалась не ключом. Дверь открывалась голосом. И тот, кто стоял слишком близко к ней, когда она отворялась, — входил.

— Паша, — очень тихо сказал Веденин. — Ты записал «ИБО-ВРА-ТА»?

— Записал. А что?

— Никогда не читай это вслух. Никогда. Даже шёпотом. Даже про себя — старайся не проговаривать. Понял?

Паша медленно кивнул.

— Понял. А почему?

— Потому что тот, кто произнесёт эти три слога, исчезнет. Как фон Штейн. Как Ливен. Как Бабаянц. — Веденин посмотрел ему прямо в глаза. — Это не шутка и не литература. Это дверь. И она открывается голосом. Паша молчал. Потом очень аккуратно, очень бережно закрыл папку и положил перо.

— Михаил Андреевич, я, кажется, забыл, где оставил очки. Но это не важно. Я всё запомнил. И никому ничего не скажу. Никогда.

— Хорошо, — Веденин вздохнул. — Тогда садись и переписывай. И постарайся не думать о том, что пишешь.

— Постараюсь. Хотя это будет трудно. Я всегда думаю о том, что пишу. Это моя работа.

— Тогда думай шёпотом.

Паша хмыкнул — и принялся за работу. Мёртвую, гулкую тишину квартиры нарушали лишь мерное тиканье часов «Павел Буре» и скрип пера по бумаге.

IV

Внезапно тишину разрезал резкий, сухой звук.

Тук. Тук. Тук.

Стучали не в парадную дверь с лестничной площадки — в тёмное стекло окна третьего этажа.

Веденин мгновенно погасил лампу. Кабинет утонул в глубокую синеву дождливой московской ночи. Он неслышно шагнул к стене и нащупал в ящике стола тяжёлый бельгийский револьвер системы «бульдог» — память о неспокойных годах работы на персидской границе.

— Паша, — прошептал он. — Встань за шкаф. И не высовывайся.

— А если я чихну?

— Постарайся не чихнуть.

Снаружи, прямо за оконной рамой, на узком кованом карнизе водостока примостилась человеческая фигура. Стекло негромко звякнуло: незнакомец не пытался выломать раму — он лишь настойчиво чертил пальцем по запотевшему стеклу знак. Круг, рассечённый тремя ломаными линиями.

Веденин снял револьвер со взвода, оставив его в кармане, подошёл к окну и повернул шпингалет. Порыв ледяного ветра ворвался в комнату вместе с запахом мокрого угля и сырости — и в образовавшийся проём ловко, с кошачьей грацией скользнула фигура в длинном непромокаемом макинтоше с глубоким капюшоном.

— Закройте скорее, Михаил Андреевич, — раздался глухой, женский, но решительный голос. — Те, кто идёт по следу Штейна, уже дежурят у парадного подъезда. Веденин захлопнул раму, задвинул засов и, не опуская руки из кармана, чиркнул спичкой. Жёлтый огонёк выхватил из темноты лицо визитёрши. Ей было около двадцати пяти. Тонкие правильные черты, бледная кожа, удивительно ясные холодные серые глаза. Из-под капюшона выбилась прядь тёмных волос, мокрых от дождя. Дорожное платье было совершенно неподходящим для ночных прогулок по московским карнизам.

— Вы меня не знаете, — быстро заговорила девушка, заметив настороженную позу переводчика. — Меня зовут Софья. Софья Корф. Покойный барон приходился мне двоюродным дядей.

— Барон Корф умер три дня назад, — сухо произнёс Веденин, жестом предлагая гостье сесть. — А его бумаги сегодня уничтожили следователя Московского окружного суда прямо у меня на глазах.

— Не уничтожили, — перебила Софья, и голос её слегка дрогнул. — Они его забрали. Туда же, куда ушли Ливен, Бабаянц и сам дядя.

— Откуда вы меня знаете?

— Я ждала у суда с трёх часов. Дядя перед смертью назвал три имени: Ливен, Бабаянц и Веденин. Сказал: «Если что случится — иди к тому, кто у Ильинских ворот. Он единственный, кто читает не глазами, а умом». Когда вас повели в кабинет фон Штейна, я поняла, что времени не осталось. Проследила, как вы вышли, и дошла до Мясницкой дворами. На карниз поднялась по пожарной лестнице с чёрного хода — там замок сломан ещё с прошлой зимы.

Паша высунул голову из-за шкафа.

— Простите, сударыня. А вы не простудитесь? На дворе октябрь, а вы в одном макинтоше. У меня есть плед. Шерстяной. Немного колючий, но тёплый. Софья обернулась и впервые за всё время улыбнулась — уголками губ, едва заметно.

— Спасибо. Плед был бы кстати.

Софья сбросила мокрый макинтош и достала из кармана плоский металлический медальон на серебряной цепочке. По ободу его вилась та же зловещая вязь, что и на полях судебных пергаментов.

— Дядя нашёл эти свитки не в Москве, — заговорила она, глядя прямо в глаза Веденину. — Два года назад он вернулся из экспедиции на озеро Ван, в Анатолии. Привёз три листа из так называемой «Хроники Исхода». Он был одержим расшифровкой. Но когда понял истинную суть языка — было уже поздно.

— В чём суть? — прищурился Веденин. — Я перевёл начало: это акустический код.

— Это координаты. — Софья сжала медальон в кулак. — То, что вы называете древним диалектом, — геометрия звука. Тот, кто произносит имена, сам становится дверью. Но свитки в суде — лишь копия! Черновой список, снятый бароном. Подлинный, полный текст замурован в тайнике его дома на Знаменке. Она наклонилась вперёд.

— Завтра в полдень Охранное отделение и тайная ложа «Искателей Первоосновы» вскроют особняк и перевернут его вверх дном. Если они завладеют первоисточником и научатся управлять этими вратами — исчезать начнут целые кварталы. Мне нужен лучший переводчик Москвы. Тот, кто не станет слепо читать вслух, а сумеет сломать ключ.

— Но зачем им это?

— Они верят, что за вратами — не пустота. Дядя называл их «Искателями Первоосновы». Это не шпионы и не революционеры. Это секта учёных и сановников, которые считают, что за гранью лежит первоисточник всякой материи. Они хотят не уничтожать — они хотят черпать. А то, что при этом исчезают люди, их не смущает. Люди для них — расходный материал на пути к знанию. Веденин молчал с полминуты. Аналитический ум взвешивал факты. Бежать? Бесполезно: в кармане записная книжка, на пальцах пыль пергамента, внизу у подъ-

езда, если верить Софье, уже стоят соглядатаи. Выхода не было — единственный путь к спасению лежал через разгадку источника.

— На Знаменке выставлены жандармские посты? — спросил он деловым тоном.

— Парадный опечатан. Но старый графский погреб имеет ход через систему подземных русел реки Черторыя. Я знаю дорогу.

— В таком случае, сударыня, не будем терять времени до рассвета. Показывайте ваш ход. — Веденин обернулся. — Паша, идёшь с нами. Паша, как раз закутывавшийся в плед, замер.

— Я? В подземелье? Михаил Андреевич, я там заблужусь. Я даже в собственной квартире иногда не могу найти дверь.

— Не заблудишься. Будешь держаться за мой рукав и записывать всё, что я скажу. — Веденин взял саквояж. — И возьми побольше бумаги. И чернил. И, ради всего святого, не потеряй их по дороге.

— Постараюсь, — вздохнул Паша. — Но не обещаю.

Глава 3. Ночной гость и особняк на Знаменке

I

Обратную дорогу Веденин выстроил так, как строил фразу: без единого лишнего слова.

От Варваринской площади — в Богоявленский переулок, из переулка на Никольскую, с Никольской — дворами, через проходные колодцы, известные не всякому дворнику и уж наверное не всякому околоточному. Паша дважды спросил, зачем такой крюк, и дважды получил один и тот же ответ: «чтобы знать, идёт ли кто следом». На третий раз он спрашивать побоялся — только семенил рядом и старательно не смотрел по сторонам, как будто от этого зависела его жизнь. У арки дома на Мясницкой Веденин замедлил шаг. Напротив подъезда, под фонарём, стоял извозчик с опущенными огнями — и уже в третий раз перекладывал вожжи из руки в руку. Лошадь дремала. Извозчик не дремал.

— Паша, — сказал он, не оборачиваясь, — извозчик напротив нашего подъезда.

— И что же он?

— На Мясницкой извозчики не стоят четверть часа даром. Значит, кто-то платит. — Веденин тронул его за локоть. — Чёрный ход. Двором. И не оглядывайся. Зарешеченные ворота, чёрная лестница с запахом капустных щей и керосина, третий этаж. Ключ повернулся дважды; за ними — два оборота засова. Только тогда Веденин чиркнул спичкой и зажёг керосиновую лампу под зелёным абажуром. Квартира приняла их привычным теплом: высокие книжные шкафы от пола до потолка, ряды пожелтевших фолиантов на греческом, латыни и арамейском, запах сухой бумаги, сургуча и трубочного табака. Настенные часы фирмы «Павелъ Буре» отстукивали секунды ровно и глухо, как будто тоже были уверены: мир — это порядок, и порядок не нарушится.

Сегодня порядок уже дал трещину. Часы об этом не знали.

— Садись, — Веденин указал Паше на стул у стола. — Переписывай всё, что у тебя в папке. Набело. В трёх экземплярах: один оставим здесь, два спрячем в разных местах. Если с нами что-нибудь случится, записи должны остаться.

II

Перо скрипело. Часы тикали. За окном шуршал по жёлтому стеклу октябрьский дождь. Веденин сидел над столом неподвижно. Перед ним лежал палеографический атлас, раскрытый на таблице южнофранцузских диалектов; лупа; промокательная бумага с тремя словами, выведенными рукой покойного следователя фон Штейна: «ИБО-ВРА-ТА».

Он больше не гадал, что произошло в кабинете. Это было ясно, как дважды два: следователь проговорил звуковую цепочку — и стал дверью. Теперь Веденина мучил другой вопрос, на который у атласа ответа не было: как запереть дверь, которая открывается голосом? Пока у него был лишь один ответ, и тот отрезвлял своей простотой — не отвечать. Никогда. Ни вслух, ни шёпотом, ни даже про себя. Он поднял глаза на Пашу. Тот как раз поднялся, порылся в

ящике за чернильницей — свои кончились, он, разумеется, забыл их в лавке у Прянишникова, — вернулся и, не глядя, поставил чернильницу прямо на лист с переписанным переводом.

— Паша!

— Ой! — Паша схватил чернильницу, но было поздно: по листу расплылось тёмное пятно, и слово «врата» превратилось в чёрную кляксу. — Простите. Я сейчас перепишу. Я быстро. Я...

— Потом. — Веденин накрыл промокашку ладонью, словно она могла убежать. — Сейчас не до этого.

И тут раздался звук, от которого у Паши застыла рука с чернильницей. Тук. Тук. Тук.

Стучали не в парадную дверь. Стучали в окно. Третий этаж. Тёмное стекло. Мокрый октябрь.

Веденин потянулся к лампе и задул её одним точным движением. Кабинет провалился в глубокую синеву — только дождь за окном ещё отделял тусклое свечение улицы. Он неслышно шагнул к столу и нащупал в ящике тяжёлый бельгийский револьвер системы «бульдог», оставшийся с тех лет, когда он зарабатывал переводами при консульстве в Тавризе и знал цену и тишине, и выстрелу.

— Паша, — прошептал он. — За шкаф. И не высовывайся.

— А если я чихну? — так же шёпотом отозвался Паша из темноты.

— Постарайся не чихнуть.

Снаружи, за оконной рамой, на узком кованом карнизе водостока примостилась человеческая фигура. Она не пыталась выломать раму — она вела пальцем по запотевшему стеклу, медленно и настойчиво, и под пальцем её проступал знак: круг, рассечённый тремя ломаными линиями.

Тот самый знак, что стоял на сургучных печатях бювара. Веденин снял револьвер со взвода, придержал курок большим пальцем, подошёл к окну и повернул массивный шпингалет.

Порыв ледяного ветра ворвался в комнату вместе с запахом мокрого угля и крыш. В образовавшийся проём ловко, с кошачьей уверенностью, скользнула фигура в длинном непромокаемом макинтоше с глубоким капюшоном.

— Закройте скорее, Михаил Андреевич, — раздался глухой, женский и решительный голос. — Те, кто идёт по следу Штейна, уже дежурят у парадного. Ваш извозчик — их. Веденин захлопнул раму, задвинул засов и, не опуская руки из кармана, чиркнул спичкой. Жёлтый огонёк выхватил из темноты лицо визитёрши. Ей было около двадцати пяти. Тонкие, правильные черты, бледная кожа и удивительно ясные, холодные серые глаза — глаза человека, который давно смотрит на мир как на задачу с ответом, который ему не нравится. Из-под капюшона выбилась прядь тёмных волос, мокрых от дождя. Строгое дорожное платье, совершенно неподходящее для ночных прогулок по московским карнизам.

III

— Вы меня не знаете, — быстро заговорила девушка, заметив, куда направлен ствол, спрятанный в кармане. — Меня зовут Софья. Софья Корф. Покойный барон приходился мне двоюродным дядей.

— Барон Корф умер три недели назад, — сухо произнёс Веденин. — А его бумаги сегодня уничтожили следователя Московского окружного суда. Прямо у меня на глазах.

— Не уничтожили. — Голос её на мгновение дрогнул, и она снова сделала его ровным.

— Они его забрали. Туда же, куда ушли Ливен, Бабаянц и сам дядя.

— Откуда вы меня знаете?

— Я ждала у суда с трёх часов. — Софья стряхнула с макинтоша капли и повела плечом, словно отряхивая сразу и дождь, и страх. — Дядя перед смертью назвал три имени: Ливен, Бабаянц и Веденин. Сказал: «Если что случится — иди к тому, кто у Ильинских ворот. Он единственный, кто читает не глазами, а умом». Когда вас повели в кабинет фон Штейна, я

поняла, что времени не осталось. Проследила, как вы вышли, дошла до Мясницкой дворами. На карниз поднялась по пожарной лестнице с чёрного хода — там замок сломан ещё с прошлой зимы.

Веденин молчал. Слова барона, переданные чужими устами, ложились на него холодом.

— Скажите мне что-нибудь, — тихо попросил он, — что мог бы знать только свой. Одно слово барона. Любое.

Софья не ответила сразу. Она смотрела на него, и серые глаза её в свете спички казались почти прозрачными.

— Он говорил, — произнесла она наконец, — что язык — это не слова. Язык — это то, что между словами. Научись читать промежутки — и ты прочтёшь всё. Внутри у Веденина что-то тихо повернулось, как поворачивается ключ в старом замке. Из-за шкафа высунулась голова Паши.

— Простите, сударыня, — сказал он. — А вы не простудитесь? На дворе октябрь, а вы в одном макинтоше. У меня есть плед. Шерстяной. Немного колючий, но тёплый. Софья обернулась и впервые за всё время улыбнулась — уголками губ, едва заметно.

— Спасибо. Плед был бы кстати.

IV

Она сняла мокрый макинтош, приняла плед, завернулась в него и достала из внутреннего кармана плоский металлический медальон на серебряной цепочке. По ободу его вилась та же самая зловещая вязь, что и на полях судебных пергаментов.

— Дядя нашёл эти свитки не в Москве, — заговорила она, и голос её стал ниже, как будто она перешла на шёпот не из осторожности, а из почтения. — Два года назад он вернулся из экспедиции на озеро Ван, в Анатолии. Он привёз оттуда три листа из так называемой «Хроники Исхода». И с той поры сделался одержимым. Запирался в лаборатории неделями. Отказывался от пищи, пока не расшифрует очередной фрагмент. Мы думали, это безумие. — Она помолчала. — Это была борьба.

— С кем? — спросил Паша.

— С языком. — Софья сжала медальон в кулак. — То, что вы называете древним диалектом, Михаил Андреевич, — это геометрия звука. Координаты. Тот, кто произносит имена, сам становится дверью. А свитки в суде — лишь копия. Черновой список, снятый дядей. Подлинный, полный текст замурован в тайнике его дома на Знаменке.

— Завтра в полдень, — продолжила она, — Охранное отделение и тайная ложа «Искателей Первоосновы» вскроют особняк и перевернут его вверх дном. Если они завладеют первоисточником и научатся управлять вратами, исчезать начнут целые кварталы. Мне нужен лучший переводчик Москвы. Тот, кто не станет читать вслух, а сумеет сломать ключ.

— Но зачем им это? — Веденин поставил лампу ровнее; зелёный свет дрогнул по стенам. — Кто эти «Искатели»?

— Не шпионы и не революционеры, — Софья тронула пальцем вязь на ободе медальона. — Секта учёных и сановников. Профессора, инженеры, люди при министерствах. Они убеждены, что за вратами лежит первоисточник всякой материи — то, из чего соткан мир. Они хотят не уничтожать. Они хотят черпать. — Она подняла глаза. — А то, что при этом исчезают люди, их не смущает. Для них человек — расходный материал на пути к знанию.

Веденин молчал с полминуты.

Ум его работал холодно и сухо, как бухгалтерская книга: бежать бесполезно — в кармане записная книжка с перерисованными знаками, на пальцах осталась пыль пергамента, внизу, у подъезда, если верить Софье, уже ждёт наёмная лошадь. Путь к спасению лежал не от тайны, а через неё.

— На Знаменке выставлены посты? — спросил он деловым тоном.

— Парадный опечатан, — блеснули глаза Софьи. — Но старый графский погреб имеет ход через систему подземных русел реки Черторыя. Я знаю дорогу.

— В таком случае, сударыня, не будем терять времени до рассвета. Показывайте ваш ход. — Веденин обернулся. — Паша, ты идёшь с нами. Паша, который как раз устраивал плед поудобнее, замер.

— Я? В подземелье? Михаил Андреевич, я же... я же там заблужусь. Я даже в собственной квартире иногда не могу найти дверь.

— Не заблудишься. Будешь держаться за мой рукав. И записывать всё, что я скажу. — Веденин взял саквояж и стал укладывать его на глазах у Паши: латинские словари, лупа, револьвер — на дно, в мягкие вещи. — И ещё. Возьми с собой побольше бумаги. И чернил. И, ради всего святого, не потеряй их по дороге.

— Постараюсь, — вздохнул Паша. — Но не обещаю.

Софья подошла к окну и на миг откинула край шторы. Дождь шёл стеной; под фонарём дремал извозчик.

— Он не всегда был безумцем, — сказала она в темноту, не оборачиваясь. — До Анатолии он был учёным. Честным, скучным, самым лучшим из людей. А потом тот, кто однажды прикоснулся к языку Первоосновы, перестаёт принадлежать себе. Я хочу, чтобы вы это знали, Михаил Андреевич. Прежде чем вы решите, как ему верить.

— Я уже решил, — сказал Веденин и погасил спичку. — Идём.

Глава 4. Подземные воды Черторыя

I

В два часа ночи Москва была пуста, как раскрытая книга, которую все уже прочли. Они шли по спящим переулкам втроём: Софья впереди — она двигалась быстро и не оборачивалась, и Веденин отметил про себя, что так идёт человек, давно сделавший своё одиночество привычкой; за ней Веденин с саквояжем; последним Паша, прижимающий к груди объёмный узел с бумагой и чернилами. Дождь кончился; туман поднимался от брусчатки и глушил звук шагов.

Тупик за церковью святителя Николая в Звонарях оказался глухим и узким. Стены старых домов сходились так тесно, что фонарь на углу не доставал до конца прохода. Софья отыскала в темноте заросли разросшейся бузины, отодвинула их рукой и позвала:

— Здесь.

Под бузиной, вровень с землёй, лежала проржавевшая железная решётка ливневого стока. Софья упёрлась в неё обеими руками — и с протяжным скрежетом оттянула в сторону. Изнутри повеяло сырой глиной, плесенью и застарелым холодом подземелий, как дышит погреб, который не открывали с прошлой зимы.

— Держитесь ближе, Михаил Андреевич, — бросила она шёпотом, первой соскальзывая на скользкие каменные ступени. — Если оступитесь, Черторый в это время года унесёт прямо в Москву-реку.

Веденин зажёг складной карманный фонарь с узким лучом. Жёлтый круг света выхватил старинную кирпичную кладку — широкую, добротную, времён Екатерины. Вода под ногами журчала чёрным, вязким потоком и доходила до щиколоток. Паша, шедший последним, спустился, ойкнул, прижал узел к груди и завертел головой.

— Михаил Андреевич, — прошептал он, — а вы знаете, что эти коллекторы строили при генерал-губернаторе Чернышёве? Я читал. В тысяча семьсот восемьдесят шестом году. Здесь раньше была река Неглинная, а теперь — вот это всё. Целая река, и никто не знает. — Он сделал шаг вперёд, не глядя под ноги, и утонул по щиколотку в грязи.

— Ой. Простите. Я не смотрю, куда иду. Я вообще никогда не смотрю, куда иду.

— Смотри под ноги, — сухо сказал Веденин. — Особенность у тебя появится, если ты утонешь.

II

Они шли почти полчаса, пригибаясь под низкими сводами. Веденин, привыкший к работе с архивными планами старой Москвы, безошибочно вёл счёт пути: сначала Неглинный коллектор, потом поворот на юго-запад, под фундаменты древнего Белого города; дальше — водобойный уступ, место, где русло падало и вода начинала шуметь заметно громче. По его подсчётам, они прошли уже с версту.

— Вы держитесь поразительно спокойно для барышни из высшего общества, — негромко заметил он, поддерживая Софью под локоть у размытого уступа.

— Когда близкий человек годами запирается в лаборатории с манускриптами, от которых бьёт током и скисает вино в погребах, привыкаешь ко многому, — отозвалась Софья. В её голосе не было страха — только сухая, горькая сосредоточенность. — Дядя не всегда был безумцем. До Анатолии он был учёным. А потом тот, кто однажды прикоснулся к языку Первоосновы, перестаёт принадлежать себе. Остаток достаётся тем, кто рядом.

Паша, шедший позади, вдруг остановился.

— Михаил Андреевич, — сказал он очень тихо, без всякой своей обычной виноватой суеты. — Тут кто-то есть.

Веденин замер.

— Где?

— Впереди. За поворотом. — Паша показал пальцем в черноту. — Я слышу дыхание. И шаги. Один человек. Идёт медленно. Хромает на левую ногу. Веденин прислушался. И действительно — из-за поворота доносились тихие, неровные шаги, отягощённые хромотой, и с ними — дыхание, лёгкое, с присвистом.

— За мной, — прошептал он. — Тихо.

Он погасил фонарь.

III

За поворотом, в круглом колодце, где сходились несколько коллекторов, стоял человек.

Он был высок, худ, в длинном пальто, промокшем до самых плеч; в руке держал трость, на которую опирался всей тяжестью — отсюда и хромота, которую расслышал Паша. Лицо его, когда Веденин снова зажёг фонарь и направил луч, оказалось бледным и усталым, а глаза — острыми, внимательными и насмешливыми одновременно.

— Михаил Андреевич Веденин, — сказал человек. Голос у него был хриплый, простуженный. — Я ждал вас.

— Кто вы?

— Николай Валерьянович Глебов. — Человек слегка поклонился. — Бывший член ложи «Искателей Первоосновы». А ныне — книготорговец на Мясницкой и, как видите, ночной сторож московских подземелий. — Он усмехнулся уголком рта. — Не удивляйтесь. Я знал барона. Он предупредил меня, что вы придёте. И что вам понадобится помощь.

Веденин не опустил фонарь.

— Барон умер три недели назад. Как он мог вас предупредить?

— Письмом. — Глебов достал из кармана сложенный вчетверо лист. — Оно пришло через два дня после его смерти. Барон был предусмотрен. Он знал, что «Искатели» придут за ним, и оставил несколько писем разным людям. Мне — это. Веденин развернул лист. Почерк был знакомый — тот самый мелкий, острый, безупречно ровный, что он запомнил по изъятым пергаментам: «Николай. Если Веденин придёт — помоги ему. Он единственный, кто сможет запечатать врата. И не верь Бреннеру. Он продаст всех».

— Бреннер, — повторил Веденин. — Кто это?

— Аркадий Львович Бреннер. Человек в пенсне. — Глебов поморщился. — Глава ложи. Он не фанатик. Он делец. Фанатик опасен, пока верит. Делец опасен всегда. Он хочет продать врата тому, кто заплатит больше. А платить готовы многие — и не только в России.

Софья выступила вперёд:

— Вы знаете, где пластина?

— Знаю. Но сначала — вот. — Он протянул Веденину небольшую медную коробочку, тяжёлую для своих размеров, с крышкой, окованной по краю. — Это резонатор. Старый, ещё из первой ложи. Он гасит звук. Звук, пущенный сквозь него, идёт узким пучком, как свет через фонарную трубку, — и действует только туда, куда вы его направите. Если вы подоберётесь к пластине и прочтёте формулу засова через резонатор, врата запечатаются, а вы останетесь целы. Все трое.

— Почему вы нам помогаете? — тихо спросила Софья. Глебов помолчал. Вода журчала у его сапог.

— Потому что я трус, — сказал он просто. — Я хотел жить. И я до сих пор хочу жить. Но я устал бояться. — Он посмотрел на Веденина. — Возьмите. И постарайтесь не умереть. Мне будет стыдно, если я отдал эту вещь зря.

IV

Они остановились перед глухой стеной из крупного белого известняка — цоколь особняка барона на Знаменке.

Софья достала серебряный медальон и прижала его к неприметному выступу между камнями, на высоте человеческого плеча. Раздался глухой скрежет противовесов, и часть стены медленно подалась внутрь, открывая узкий лаз в винный погреб. Они выбрались в просторное подвальное помещение. Пахло дубовыми бочками, сухим шалфеем и — поверх всего этого — странным, металлическим озоновым запахом. Точно таким же, какой Веденин почувствовал в кабинете исчезнувшего следователя. Он сжал зубы. Запахи не ошибаются: здесь когда-то открывались врата.

— Мы на месте, — выдохнула Софья, выбираясь на сухой пол. — Личный кабинет дяди этажом выше.

Веденин поднял руку, призывая к тишине.

Сверху, сквозь массивные дубовые перекрытия, донеслись тяжёлые, размеренные шаги. Скрипнула половица. Затем — глухой металлический стук, размеренный, как метроном: кто-то методично простукивал стены молотком.

— Они уже здесь, — одними губами произнесла девушка. — «Искатели» не стали ждать полудня.

Паша, бледный как мел, прижался к стене.

— Михаил Андреевич, — прошептал он, — а если они нас найдут?

— Не найдут. Мы поднимемся по винтовой лестнице для прислуги, в обход парадной анфилады. — Он обернулся к Глебову. — Вы идёте с нами?

— Нет. Я останусь здесь. Если что-то пойдёт не так — создам шум. Отвлеку. — Глебов слабо улыбнулся. — Мне не привыкать: в моей лавке и радикалы спорят, и благотворительницы кофе проливают. Сумею пошуметь. Веденин кивнул:

— Спасибо.

— Не благодарите. Просто запечатайте врата. — Глебов отступил в тень колодца, и лицо его стало неразличимым. — И, Веденин... не верьте Бреннеру. Он умён. Он всегда на шаг впереди. Но у него есть слабость: он не умеет читать промежутки. Он думает, что всё можно купить. Даже то, что не продаётся. Веденин на мгновение застыл. Слова, сказанные чужим хриплым голосом в подземном колодце, совпали со словами, которые он слышал пятнадцать лет назад, в университетской аудитории, — до буквы. Барон учил его читать промежутки. Бреннер их не читает вовсе.

— Полезное совпадение, — сказал он вслух. И полез наверх первым.

V

Кабинет барона Корфа являл собой странное зрелище — как будто учёный и алхимик жили в одном человеке и делили одну комнату пополам. Высокие витражные окна с видом на Знаменку были занавешены плотным бархатом. Вдоль стен высились стеллажи с фолиантами; между ними стояли астролябии, медные геометрические приборы, ряды пробирок с просохшими осадками. В центре комнаты громоздился массивный стол из морёного дуба, заваленный чертежами и разрезанными поперёк листами.

Но главное находилось на дальней стене.

Там висела огромная карта древнего Междуречья — Тигр, Евфрат, города, названия которых уже были легендой, когда их наносили на этот лист, — а прямо поверх карты углём и несмываемыми чернилами была выведена гигантская круговая диаграмма шифра. Круг, рассечённый тремя ломаными линиями, — но не сургучная печать, а поле боя. В центре круга зияла пустая ниша, обрамлённая пластинами из тёмной бронзы.

— Тайник там, — Софья указала на нишу. — Дядя запечатал его сам, ещё до того, как понял, во что ввязался. В дневнике он оставил формулу — но записал её наоборот, палиндромом, на мёртвом хеттском наречии. Прямая формула открывает врата и затягивает того, кто её произнёс. Обратная — отмыкает замок и ничего не делает больше. Дядя был осторожен: он хотел, чтобы тайник открыл только тот, кто поймёт, что читать надо справа налево.

Веденин подошёл к столу, бегло осмотрел разбросанные записи и включил весь свой опыт палеографа. Пальцы его замелькали по страницам; строки, от которых пришёл бы в ужас академический профессор, складывались в его голове в чёткую грамматическую матрицу.

— Это не просто палиндром, — прошептал он, и глаза его лихорадочно блеснули. — Это формула обратной тяги. Если прочесть слева направо — портал открывается и затягивает наблюдателя. Но если прочесть справа налево, с гортанным придыханием...

— Михаил Андреевич, — вдруг сказал Паша, который стоял у стеллажа и рассматривал корешки. — А тут ещё одна записка. На полях дневника. Совсем свежая. Чернила ещё блестят.

Веденин обернулся.

— Где?

— Здесь. — Паша показал на раскрытый дневник. — Написано по-русски: «Не верьте тишине. Тишина — это тоже звук. Особенно когда она звучит». Веденин подошёл, вгляделся. Почерк был тот же, что на пергаментах. Барон.

— Что это значит? — прошептала Софья.

— Не знаю, — сказал Веденин. — Но, кажется, барон оставил нам ещё одну загадку. Дверь кабинета с грохотом распахнулась.

Глава 5. Сорок строк

I

На пороге, в проёме, подсвеченном сзади жёлтым светом коридорной лампы, стояли двое.

Первый — грузный, в штатском сюртуке дурного покроя, с лицом, обтянутым той особой сытой бледностью, какая бывает у людей, привыкших, что мир принадлежит им по праву рождения. Второй — сухой, высокий, в пенсне, с папкой под мышкой; он держал себя так, будто пришёл на лекцию, а не на обыск.

— Госпожа Корф, — произнёс грузный, и в голосе его не было ни удивления, ни злобы

— только брезгливое удовлетворение. — А с вами, судя по всему, тот самый толмач. Как предусмотрительно. Мы избавимся от двух хлопот разом. Веденин не стал дожидаться, чем кончится любезность. Он рванул Софью за рукав вниз, за стол — и в то же мгновение сухой человек в пенсне поднял руку: в ней была не револьвер, а небольшая медная трубочка с раструбом.

— Паша! — крикнул Веденин. — Ложись!

Паша, всё ещё стоявший у стеллажа с дневником, рухнул на пол, прикрыв голову руками. Дневник он, к своему изумлению, не выпустил.

— Не читайте, — выдохнул Веденин.

Софья уже поняла. Она прижала ладонь к его губам — жест вышел почти нежным — и оба замерли.

Человек в пенсне поднёс трубочку к губам и запел. Не заговорил — запел, тихо, на одной ноте, и звук этот был странно знаком: та же гортанная цепочка, что стояла в первой строке пергамента, только вывернутая наизнанку, как отражение в кривом зеркале.

Стены кабинета отозвались. Бронзовые пластины в центре диаграммы дрогнули. Воздух над столом пошёл рябью, как над раскалённой печью.

— Он не открывает, — прошептал Веденин, и ум его работал быстрее, чем он успевал это осознавать. — Он приманивает. Он поёт обратную формулу не до конца — тянет нас к нише, как магнит тянет гвоздь. Если мы подойдём — пластины сомкнутся.

— Что делать? — одними губами повторила Софья.

Веденин взглянул на саквояж. Словари. Лупа. Револьвер. Серебряная ручка. И тогда он понял.

— Он поёт вслух, — прошептал он. — А мы будем читать про себя. Смотрите мне в глаза и повторяйте за мной одними губами, без звука. Поняли? Софья кивнула.

Михаил Андреевич выхватил записную книжку, открыл её на четырёх символах и начал читать — глазами, одними глазами, заставляя каждую букву пройти через ум, минуя гортань. Губы Софьи беззвучно двигались вслед за его губами. Обратная формула, прочитанная без голоса, не открывала и не приманивала. Она выравнивала. Воздух над столом перестал дрожать.

Человек в пенсне запнулся. Его песня сбилась — впервые за вечер.

— Что вы делаете? — грузный шагнул вперёд. — Прекратите!

— Поздно, — сказал Веденин и, не поднимаясь из-за стола, нажал на выступ между камнями — тот самый, что Софья нащупала в подвале. Механизм сработал иначе: не открыл лаз, а запечатал кабинет. Тяжёлые железные ставни рухнули на окна. Дверь с лязгом захлопнулась сама.

Грузный ударил в неё плечом. Бесполезно.

— Мы в ловушке, — прошептала Софья.

— Нет. — Веденин уже стоял у ниши, и в его руке была серебряная ручка. — Мы в сейфе. А они — снаружи.

Он вставил перо в едва заметную щель между бронзовыми пластинами — и повернул.

II

Пластины разошлись с тихим, почти музыкальным звоном. В нише лежал свиток. Не пергамент и не бумага — тонкая, как папиросная, пластина сероватого металла, свёрнутая в тугой цилиндр и перевязанная шёлковым шнуром. На шнуре — сургучная печать с тем же знаком: круг, рассечённый тремя ломаными линиями.

За дверью кабинета глухо, но отчётливо, началась возня. Грузный кричал кому-то в коридоре, чтобы ломали дверь. Человек в пенсне молчал — и это молчание было страшнее крика.

Веденин взял свиток. Металл был холодным — тем же могильным холодом, что и записная книжка у него на груди. Но едва пальцы сомкнулись на цилиндре, холод исчез. Пластина потеплела. Отозвалась.

— Он узнал вас, — тихо сказала Софья. — Дядя писал: подлинник узнаёт того, кто способен его прочесть.

— Тогда у нас очень мало времени, — Веденин развязал шнур. — Потому что я, кажется, единственный, кто способен его не прочесть. Он развернул пластину на столе. Металл был покрыт той же угольно-чёрной вязью — но здесь строк было не три, а сорок. И в самом низу, у

края, другой рукой, торопливо и криво, было выведено по-русски: «Миша. Если ты это читаешь — значит, я не успел. Не произноси. Никогда. Сожги. — А. Б.»

Веденин замер.

— Это почерк дяди, — Софья побледнела. — Но он не знал никакого Мишу. Он...

— Знал, — очень тихо сказал Веденин. — Барон Алексей Борисович Корф был моим наставником в университете. Он дал мне эту ручку. Пятнадцать лет назад. И он же — единственный человек, который когда-либо называл меня Мишей. Память вернулась к нему с внезапной, почти физической ясностью. Летняя аудитория на Моховой. Сквозь пыльные окна — липовый свет. Пожилой человек с седой бородкой и вечным пятном туши на манжете склоняется над его конспектом и говорит — не читающим тоном, каким читают лекции, а живым, каким говорят только то, что правда: «Миша, язык — это не слова. Язык — это то, что между словами. Научись читать промежутки — и ты прочтёшь всё». А в последний день выпуска он вручает ему серебряную ручку — тяжёлую, отполированную до мягкого блеска, — и говорит: «Чтоб у тебя было своё слово, Миша. Остальное — заёмное». Пятнадцать лет. И вот теперь — сорок строк, которые нельзя прочесть вслух, и подпись этого человека у самого края.

За дверью ударили чем-то тяжёлым. Дубовая створка вздрогнула.

— Он знал, что вы придёте, — прошептала Софья. — Он всё это подстроил. Веденин посмотрел на пластину. На сорок строк, которые нельзя прочесть вслух. На подпись наставника. На дверь, которую вот-вот выломают.

— Паша, — позвал он. — Ты цел?

— Цел, — отозвался Паша из-за стеллажа. — И дневник цел. И даже чернила не разлил. Хотя, кажется, посадил кляксу на «Печать Молчания». Простите.

— Переживём. Доставай бумагу. Будешь записывать. Молча. Ни слова вслух. Понял?

— Понял. — Паша выполз из-за стеллажа, устроился на полу и разложил папку на коленях. — Я готов.

— Тогда не будем подводить барона, — сказал Веденин и достал из саквояжа лупу. — Будем читать. Молча. И очень быстро.

III

Дверь трещала по швам. Грузный бил в неё чем-то железным, и дубовые доски отзывались глухим, обречённым стоном.

Веденин не обращал внимания. Он склонился над металлической пластиной, и мир вокруг сузился до сорока строк угольно-чёрной вязи и круга света от карманного фонаря.

— Повторяйте вслух, но шёпотом, — бросил он Софье, не поднимая головы. — Всё, что я скажу. Только шёпотом. Ни одного громкого звука. Если я замолчу — замолчите и вы.

— Поняла.

Он начал.

— Первая строка: «Имена, что не должно произносить, дабы не стать вратами...» Пропускаем. Вторая: «...ибо всякий, кто назовёт себя, отдаёт себя...» Пропускаем. Третья...

Его палец скользил по металлу, и ум работал с той холодной, отточенной скоростью, которая приходила к нему только в минуты крайнего напряжения. Он не переводил — он разбирал. Слой за слоем, как часовщик разбирает механизм: арамейский корень, латинская флексия, алхимический глиф. Каждый знак имел два значения, и оба нужно было удержать в голове одновременно — а между ними, в промежутках, таилось третье, то самое, ради которого всё писалось.

— Двенадцатая строка, — прошептал он. — Здесь есть приписка на полях. Другой рукой. По-французски: «Ne lisez pas à voix haute — le sceau se brise». «Не читайте вслух — печать сломается». Это не барон. Это кто-то другой.

— Кто? — Софья придвинулась ближе.

— Не знаю. Но он знал, о чём предупреждает. — Веденин на секунду прикрыл глаза, будто сбрасывая лишнее. — Продолжаем.

За дверью раздался треск — верхняя петля вылетела из гнезда. Грузный торжествующе рявкнул.

— Двадцать восьмая строка, — Веденин ускорился. — Здесь формула. Полная. Прямая и обратная. Прямая — та, что убила фон Штейна. Обратная — та, что мы читали про себя. Но есть и третья...

Он замолчал.

— Михаил Андреевич?

— Третья формула, — очень тихо сказал Веденин. — Она называется «засов». Она не открывает и не закрывает врата. Она их... запечатывает. Навсегда. Но для этого нужно...

Он поднял глаза от пластины.

— Нужно произнести её вслух. Громко. Полным голосом. В самом центре врат. Дверь рухнула.

IV

Грузный ворвался первым, и в его руке был тяжёлый железный лом. За ним, не спеша, вошёл человек в пенсне — он уже убрал трубочку и теперь держал в руках небольшой медный сосуд с завинченной крышкой, бережно, как несут лабораторную склянку.

— Довольно, — сказал человек в пенсне. Голос у него был ровный, почти вежливый. — Госпожа Корф, отойдите от стола. Господин Веденин, положите пластину на место. Медленно.

Веденин не двинулся.

— Вы из «Искателей», — сказал он. — Значит, вы знаете, что здесь написано. Вы знаете, что произойдёт, если прочесть прямую формулу вслух.

— Знаем. — Человек в пенсне чуть наклонил голову; стёкла его поймали свет фонаря и на миг сделались непроницаемыми. — И именно поэтому мы не станем читать её здесь. Мы доставим пластину в лабораторию, где стены достаточно толсты, чтобы выдержать резонанс. А вы двое... вы нам больше не нужны. Грузный шагнул вперёд, поднимая лом.

— Стоять! — Веденин схватил серебряную ручку и приставил её к центру диаграммы

— к тому самому месту, где сходились три ломаные линии. — Ещё шаг — и я произнесу прямую формулу. Прямо здесь. В самом центре врат. Вы знаете, что тогда будет.

Человек в пенсне замер. Впервые за всё время на его лице появилось что-то похожее на эмоцию — холодная, расчётливая тревога человека, у которого в цифрах сошёлся один-единственный знак не так.

— Вы блефуете.

— Я переводчик, — сказал Веденин. — Я тридцать восемь лет живу словом. И я никогда не блефую словами. Это моё ремесло.

Грузный перевёл взгляд с Веденина на человека в пенсне. Лом в его руке дрогнул.

— Он не станет, — процедил человек в пенсне. — Он умрёт вместе с нами.

— Умру, — согласился Веденин. — Но вы не получите пластину. А без неё ваша лаборатория — просто комната с толстыми стенами. Вы два года шли за этой вещью, барон Корф отдал за неё жизнь. И вы готовы потерять всё из-за одного упрямого толмача?

Тишина в кабинете стала физической. Слышно было, как капает вода в подвале и как тяжело, с присвистом, дышит грузный.

Паша, всё ещё сидевший на полу с папкой на коленях, вдруг поднял руку:

— Простите, что перебиваю. Но у меня вопрос.

— Какой ещё вопрос?! — рявкнул грузный.

— А вы не заметили, — Паша говорил тихо, вежливо, но с той странной настойчивостью, которая иногда появлялась у него в самые неподходящие моменты,

— что в комнате стало холоднее? Намного. И часы остановились. Вон те, на стене. Они показывают без пяти двенадцать. И не идут.

Все обернулись. Часы на стене действительно стояли. Стрелки замерли на без пяти двенадцать.

— Это значит, — Паша поднялся с пола, — что врата уже открыты. Не полностью. Но достаточно, чтобы время здесь пошло иначе. И если мы не запечатаем их сейчас — они откроются сами. Без формулы. Без пластины. Просто потому, что мы слишком долго здесь находимся.

Человек в пенсне побледнел.

— Мальчик прав, — тихо сказала Софья. — Дядя писал об этом. Врата имеют свою волю. Если их не запечатать — они запечатают себя сами. Вместе со всем, что рядом.

V

— Чего вы хотите? — наконец спросил человек в пенсне.

— Пропустите нас, — сказал Веденин. — Нам нужен подземный ход. Мы уйдём, вы останетесь с пластиной. Но я оставлю вам копию обратной формулы — той, что открывает тайник, не активируя врата. Вы сможете работать с пластиной, не рискуя исчезнуть.

— А вы?

— А мы уйдём достаточно далеко, чтобы вы нас не нашли. — Веденин пожал плечами.

— В Москве много подземных ходов. Я знаю больше, чем вы думаете. Человек в пенсне молчал. Грузный перевёл дыхание, и лом в его руке опустился на вершок.

— Копия, — сказал наконец человек в пенсне. — Сейчас. На моих глазах. Веденин вырвал лист из записной книжки и быстро, размашисто, перенёс обратную формулу — ту, что они читали про себя. Он знал, что делает: формула работала только при чтении справа налево и только без голоса. Человек в пенсне пел вслух — и не мог знать, что лист написан палиндромом, пока сам не попробует. А попробует — и история с фон Штейном получит ещё одну главу.

— Держите.

Человек в пенсне взял лист, пробежал глазами, кивнул.

— Уходите. Через подвал. И если я увижу вас снова — пеняйте на себя. Веденин сгрёб пластину со стола — человек в пенсне дёрнулся, но смолчал, — и схватил Софью за руку.

— Паша! За мной!

Паша подхватил папку и дневник и бросился за ними.

— Свиток! — выдохнула Софья на винтовой лестнице. Веденин на верхней ступени остановился. Рука с пластиной уже была занесена за пазуху. Он постоял мгновение — потом осторожно, обеими руками, положил металл обратно на стол, туда, где он лежал.

— Оставляю, — сказал он тихо. — Лист — это бумага. Бумага горит. А то, что я запомнил, не горит.

Они скатились по лестнице в подвал. За спиной, в кабинете, человек в пенсне что-то резко приказал грузному — но Веденин уже не слушал. Он нашарил в темноте знакомый выступ между камнями, нажал — и стена подалась внутрь, открывая лаз в подземный ход.

VI

Они бежали по коллектору, пригибаясь под низкими сводами, и вода плескалась у их щиколоток. Фонарь Веденина погас на третьем повороте, и они шли в полной темноте, держась за руки и считая повороты вслух — шёпотом, по очереди. Лучше всех считал Паша: в темноте он не отвлекался на то, чтобы смотреть по сторонам. В круглом колодце, где вода сходила вниз, к Москве-реке, они остановились перевести дух.

— Вы отдали им пластину, — сказала Софья.

— Отдал. — Веденин позволил себе привал на одну минуту — не больше. — Но не всё. Я запомнил формулу засова. Все три строки. Наизусть.

— Вы уверены?

— Я тридцать восемь лет живу словом, — повторил Веденин, и в темноте его голос звучал почти спокойно. — Я могу забыть, где оставил перо. Но формулу, которая убивает людей, — никогда.

Паша, сидевший на камне, вдруг поднял голову:

— Михаил Андреевич, а я записал. Всё. Пока вы читали. Каждую строку. Каждую паузу. Даже кляксу на «Печати Молчания» поставил в нужном месте. Веденин обернулся.

— Ты уверен?

— Абсолютно, — Паша похлопал по папке. — Я всегда всё записываю. Даже когда забываю, где очки. Бумага помнит лучше, чем я.

Софья тихо, невесело засмеялась.

— Дядя был прав насчёт вас, — сказала она.

— В чём? — спросил Веденин.

— «Он единственный, кто читает не глазами, а умом». — Она сжала его руку. — И, кажется, у него был ещё один. Тот, кто записывает не руками, а памятью. Паша смущённо потупился.

— Ну, я... я просто переписываю. Это несложно. Сложнее не потерять перо. Веденин посмотрел на них обоих — на Софью, бледную, но решительную, и на Пашу, перепачканного чернилами и почему-то счастливого.

— Куда теперь? — спросила Софья.

Веденин подумал.

— На Мясницкую. Заберём словари и деньги. Потом — в Тверь. Там у меня старый знакомый, профессор духовной академии, который всю жизнь занимается апокрифами. Если формула засова где-то и описана — он найдёт. Он нащупал в темноте фонарь, встряхнул его, и луч выхватил из черноты узкий, уходящий вверх колодец с железными скобами.

— А потом?

— А потом, — Веденин начал подниматься по скобам, — мы вернёмся и запечатаем врата. Навсегда. И «Искатели» узнают, что значит иметь дело с человеком, который читает молча. И с его помощником, который записывает всё — даже кляксы.

Глава 6. Тверь, апокрифы и один старый профессор

I

Поезд на Тверь отходил в семь утра с Николаевского вокзала. Веденин взял три места в жёстком вагоне третьего класса — не из скупости, а из осторожности: в первом классе было слишком много глаз, слишком много сановников и слишком много людей, которых можно было узнать в лицо. В третьем классе все смотрели друг на друга равнодушно — и это было лучшей маскировкой.

Перрон ещё не проснулся. Фонарщики гасили керосиновые огни, из буфета тянуло горячими булками и угольной гарью, и по платформе неторопливо прошёл жандармский унтер — так, как ходят люди, которым за ночной сменой не до лишних взглядов. Веденин проводил его взглядом и снова опустил глаза на газету. Софья сидела у окна в простом тёмном платье и дорожной накидке. Она выглядела так, будто не спала трое суток. Впрочем, она и не спала. Паша сидел напротив, положив папку на колени, и сосредоточенно переписывал что-то в блокнот. Он писал, не глядя на бумагу, — и это было новым.

— Паша, — сказал Веденин. — Что ты пишешь?

— Всё, что мы видели, — отозвался Паша, не поднимая головы. — В хронологическом порядке. Чтобы потом можно было восстановить. Суд, особняк, коллектор — я не перепутал ничего? Проверьте, если хотите.

Веденин взял блокнот. Страница была исписана ровным, аккуратным почерком — события шли один за другим, с часами, с именами, с деталями, которые Веденин сам забыл. Погоду. Звук чайника. Скрип половицы над подвалом на Знаменке.

— Где ты взял время «скрипа»? — спросил Веденин.

— Помню, что часы били десять, когда мы вошли в кабинет. А скрип — он был после. Значит, между ними. — Паша пожал плечами. — Я, кажется, потерял очки. Но это даже к лучшему. Я вижу буквы внутренним зрением.

— Внутренним?

— Ну, я так это называю. — Паша наконец поднял глаза. — Когда я сосредоточен, я вижу то, что должно быть написано. Даже если не вижу самой бумаги. Она как будто остаётся перед глазами — только не на листе, а вот здесь. — Он стукнул себя пальцем по лбу. — Это сложно объяснить. Простите.

Веденин молча смотрел на него. Он не знал, что это — талант, привычка или странность, от которой у докторов дёргается веко. Он знал только, что за три года Паша не перепутал ни одной буквы в бумаге — и что именно он первым разглядел ртуть вместо соли, а потом — свежие чернила на полях чужого дневника. Это не было рассеянностью. Это было тем, о чём писал покойный барон: умением читать не строку, а всё, что лежит между строк.

— Не извиняйтесь, — вдруг сказала Софья, не отворачиваясь от окна. — Это редкий дар.

— У меня нет даров, — смутился Паша. — Я просто рассеянный. И иногда вижу то, чего нет. Или не вижу того, что есть.

— Тем и спасаетесь.

Поезд тронулся. За окном поплыли мокрые поля, серое небо, редкие деревья. В вагоне пахло мокрым сукном, и тележка с самоваром везла кипяток — толстая баба в платке расставляла стаканы в подстаканниках, и стёкла тонко дребезжали на стыках рельсов. Когда вагон опустел — дьякон и торговка вышли на Клину, — Веденин повернулся к Софье.

— Расскажите мне о нём. О бароне. Каким он был?

Софья долго молчала. Она смотрела на мокрое стекло, и капли ползли по нему, сливаясь в короткие живые дорожки.

— Добрым, — сказала она наконец. — До Анатолии — добрым. Я осталась сиротой в девятилетнем возрасте, и дядя забрал меня к себе. Он не любил говорить о чувствах

— он читал со мной Овидия и учил рисовать карты. Я знала про него всё: что он встаёт в шесть, что не выносит запаха камфары, что к птицам разговаривает как к людям. А о его работе — ничего. — Она усмехнулась без веселья. — Я думала, это порядочность. Оказалось — осторожность.

— А потом?

— Потом он вернулся с озера Ван. И всё. — Она провела пальцем по запотевшему стеклу, прочертив дорогу. — Он стал другим. Запирался в кабинете на недели, отказывался от пищи, пока не расшифрует очередной фрагмент. Служанка уходила — я её не виню. В погребе, под кабинетом, скисло всё вино. Разом. В один месяц. Я думала, это безумие. — Она помолчала. — А это была борьба. Он знал, что «Искатели» идут за ним. Знал, что не успеет. И всё-таки успел — оставил мне медальон и записку: «Иди к тому, кто у Ильинских ворот. Он поймёт».

— Он не сказал, откуда меня знает?

— Сказал только: «Я дал ему ручку. Пятнадцать лет назад. Он ею подписал не одну бумагу, которая спасла людей. Он умеет читать между строк». Веденин опустил глаза на серебряную ручку в своей руке.

— В университете он вёл курс палеографии, — сказал он. — Я был его лучшим студентом. Это не хвастовство — их было трое, и двое умерли раньше сорока. — Он помолчал. — Он говорил мне: «Миша, язык — это не слова. Язык — это то, что между словами. Научись читать промежутки — и ты прочтёшь всё». Я тогда принял это за фразу, которую старики любят говорить на экзаменах.

— Он верил в вас.

— Он ошибался, — сухо сказал Веденин. — Я не сумел его спасти. Софья ничего не ответила. За окном мелькали мокрые берёзы и серое, низкое небо. Паша поднял голову от блокнота.

— Михаил Андреевич, а можно вопрос?

— Можно.

— А почему барон не написал вам? Ну, письмо. Как Глебову. — Паша нахмурился. — Он писал Глебову. Он оставил записку на пластине. Но вам — ничего почтой? Веденин задумался. Вопрос был простой и потому опасный: на простые вопросы он отвечал быстрее, чем следовало.

— Потому что он знал, что я не поверю письму, — сказал он наконец. — Я не верю почерку, Паша, я верю промежуткам между строчками. По бумаге легко солгать. А пластину с сорока строками солгать нельзя — она сама скажет, кто её читает. — Он посмотрел на ручку. — Или потому, что знал: «Искатели» читают его почту. Письмо у них оказалось бы в тот же день. А ниша в кабинете на Знаменке... — она открылась только мне. Ручкой.

— А может, — тихо сказала Софья, — он просто хотел, чтобы вы сами прошли этот путь. Чтобы вы поняли, а не просто поверили.

Веденин посмотрел на неё. У Софьи был тот сорт ясности, который люди приобретают, если ночи напролёт смотрят на карнизы и спрашивают у потолка, зачем дядя запирался в лаборатории.

— Может быть, — сказал он.

II

Тверь встретила их снегом — не зимним, а липким, октябрьским, который не держится и не тает. Они шли пешком от вокзала, через кремлёвский вал, мимо лавок, где торговали рыбой, кашей и сушёными грибами. Паша вёл всех, поворачивая за угол по памяти, — и ни разу не ошибся, хотя бормотал, что выйдет к Волге или в Персию. Профессор Илья Матвеевич Дубровин жил в одноэтажном флигеле при духовной академии, в двух шагах от кремля. Ему было семьдесят три; он был туг на одно ухо, совершенно не выносил гостей до полудня и сорок лет собирал всё, что церковь считала запретным, а наука — сомнительным.

Веденин знал пароль.

Он постучал трижды, выждал, постучал ещё дважды. За дверью возмущённо заскрипели половицы, шаркнули войлочные туфли, и щель приоткрылась: старик в халате, с бородой в прилипшей перье, уставился на посетителей поверх круглых очков.

— Илья Матвеевич, — сказал Веденин. — «Промежутки важнее слов». Помните? Профессор замер. Потом лицо его медленно расплылось в улыбке — сначала нехотя, будто вспоминая, как это делается, потом сразу и целиком.

— Миша! Мальчик мой! — Он распахнул дверь и схватил Веденина за плечи. — Постарел. Поседел. Хорошо выглядишь. А это кто?

— Софья Корф. Племянница барона Корфа. И Павел Куликов, мой помощник. Паша поклонился — и тут же налетел на вешалку, едва не уронив её.

— Простите. Я нечаянно.

— Значит, — сказал профессор, — у вас всё в порядке с головой, если вы ходите с ним. — Но улыбка его погасла в ту же секунду. — Алексея Борисовича? — Он отступил на шаг и посмотрел на Софью. — Господи. Он умер. Я знаю. Мне писали — говорили, что с сердцем. Но я слышал и другое...

— Что вы слышали?

— Что он нашёл то, что искал. И что за ним пришли. — Профессор перевёл взгляд с Веденина на Софью, на Пашу, снова на Веденина. — Проходите. Чая я вам не предлагаю — он у меня холодный с пятницы. А коньяк найдётся. Кабинет был похож на склад: книги до потолка, ящики с рукописями, пыльные развязки, глобус с отломанным экватором. Пахло

сухой бумагой, старым деревом и восковыми печатями. На столе среди всего прочего лежала разрезанная по позвонкам щука в шкале возрастов — чучело, которое профессор сорок лет собирался подписать. Они сидели в кожаных креслах, выдыхавших пыль, и Веденин рассказывал. Про пергаменты. Про фон Штейна и горячий чай. Про акустический код, «ИБО-ВРАТА», нишу на Знаменке, сорок строк и формулу «засова». Он рассказывал ровно, не понижая голоса, — потому что видел, как Дубровин цепенеет, и понимал: если старик сейчас всплакнёт, то разговор застрянет на первом же листе. Паша тем временем разложил на коленях папку и делал пометки — быстро, аккуратно, почти не глядя на бумагу.

Профессор слушал, не перебивая. Один раз он остановил Веденина, чтобы перечитать слово из дневника барона; один раз попросил повторить то, что Паша слышал из-под воды Черторыя. Потом встал, прошёл к окну, постоял спиной к свету и вернулся.

— «Хроника Исхода», — сказал он, когда Веденин закончил. — Я слышал об этой рукописи. Двадцать лет назад её искал один француз — из Лионского университета. Гастон Рейналь. Он писал мне дважды: просил копий, карт, всего. Я ему отказал — не доверял оному тону. Он был одержим, а одержимые плохо кончают. — Профессор налил себе коньяку и выпил, не крякнув. — Его нашли в Марселе. Мёртвым. В комнате, запертой изнутри. Официально — сердце.

— Официально, — повторил Веденин.

— В кармане его сюртука нашли расшифровку. Одну страницу. — Профессор поднял палец. — Одно и то же слово было выписано на ней дважды. Одинаковыми буквами. Различались они только... — он повёл рукой, подбирая, — расстановкой пустот. Паузами. Я списал это на безумие. Двадцать лет списывал на безумие. — Он усмехнулся одними глазами. — Вы понимаете, о чём я говорю?

— Ещё нет, — честно сказал Веденин.

— Значит, формула «засова» существует? — спросила Софья.

— Существует, — профессор встал и подошёл к дальнему шкафу. — Но не в «Хронике». «Хроника» — это описание. Инструкция, как открыть врата. А «засов» — отдельный текст. Его называют «Печатью Молчания». И он, если я не ошибаюсь... — он вытащил с верхней полки тяжёлый, переплетённый в кожу фолиант, — вот здесь. Книга была старой — на переплёте выцвели доски, корешок держался на честном слове и двух петлях из латунной проволоки. На обложке, вытисненный золотом и потому потемневший до цвета старого мёда, красовался знакомый знак: круг, рассечённый тремя ломаными линиями.

— Это копия семнадцатого века, — сказал профессор. — Снята с греческого оригинала, который хранился в монастыре на Афоне. Монахи отказались продать оригинал — но разрешили снять копию. Один из них сказал моему знакомому: «Эта книга не для того, чтобы её читать. Она для того, чтобы её не читать».

— Что это значит? — Веденин подался вперёд.

— Это значит, — профессор раскрыл фолиант на середине, — что «Печать Молчания» написана не словами. — Он постучал пальцем по чистому листу. — Она написана отсутствием слов. Паузами. Пробелами. Промежутками. Буквы здесь есть — но их не произносят. Произносят то, что стоит между ними. — Он поднял глаза. — Ты, Миша, единственный человек, которого я знаю, кто умеет читать промежутки. Алексей Борисович был прав. Ты — ключ.

III

Паша вдруг поднял голову.

— Простите, Илья Матвеевич. А можно я посмотрю?

Профессор удивлённо обернулся.

— Ты?

— Я переписываю за Михаилом Андреевичем. Уже три года. И я... — Паша замялся. — Я тоже умею читать промежутки. Немного. Не так, как он. Но умею. Профессор посмотрел на Веденина. Тот кивнул.

— Он скромничает. Он замечает то, что я пропускаю. Если бы не он, я, возможно, прочёл формулу вслух ещё в кабинете фон Штейна.

— Что ж, — сказал профессор, — два ключа лучше, чем один. — Он подвинул фолиант Паше. — Смотри. Только не читай вслух.

Паша склонился над книгой. Его губы беззвучно двигались. Он водил пальцем по строкам — не по буквам, а по пустотам между ними, как ведут пальцем по клавишам, ещё не нажимая.

Минуты шли. Паша не замечал ни чая, ни пыли, ни того, что Софья встала и подошла к окну.

— Здесь... — прошептал он наконец. — Здесь не паузы. Здесь... — Он поднял глаза, и лицо у него было странное — как у человека, который во тьме наткнулся на уже начатую кем-то дорогу. — Здесь ритм. Как в музыке.

— Ритм?

— Промежутки разной длины. Короткие — длинные — средние. Как ноты. Если читать промежутки как ноты — получается мелодия. — Паша тихо, едва слышно, беззвучно, свистнул мелодию себе под нос; одна рука его, сидевшая на колене, в это же самое время в такт постукивала. — А мелодия — это и есть формула. Строки — это слова. А промежутки — это то, что мы проговариваем телом. И если пропеть формулу правильно — она не открывает врат и не запирает их. Она... — Паша помолчал. — Она их успокаивает.

Профессор изумлённо посмотрел на него, потом на Веденина, потом снова на Пашу.

— Мальчик мой, — сказал он. — Ты только что решил загадку, над которой я бился двадцать лет.

Паша смутился.

— Простите. Я не хотел.

— Не извиняйся, — сказал Веденин. — Ты снова спас нам жизнь.

IV

Они просидели над фолиантом всю ночь.

Свечи гасли одна за другой. За окном в какой-то момент перестало быть темно — но никто из них не заметил, когда это произошло. К утру Веденин знал формулу «засова» наизусть — все три строки, все паузы, все придыхания. Он проговаривал её молча, одними глазами, и смотрел, как формула движется внутри него, как привычная дорога. Паша записал мелодию нотами — на всякий случай, как он сказал, «чтобы бумага помнила лучше, чем я». Софья переписала всё в трёх экземплярах.

— Это надо сжечь, — сказала она, глядя на листы. — Если кто-то найдёт хоть один лист...

— Это надо сохранить, — возразил Веденин. — Но не в бумаге. В голове. — Он сложил свой лист, поднёс к свече и держал, пока огонь не подобрался к пальцам. Он не моргнул. — Теперь формула есть только у меня. И у вас.

— И у меня, — сказал Паша, похлопав по папке. — Но я никому не скажу. Даже если забуду, где очки. Даже если забуду, как меня зовут. Я буду помнить мелодию. Профессор, дремавший в кресле, открыл один глаз.

— И что теперь? Вы поедете обратно? В Москву? К «Искателям»?

— Нет. — Веденин сжал пальцы — они не дрожали, и он обратил на это внимание. — К Глебову. Он знает «Искателей» изнутри. И он уже помог нам однажды. Если мы сможем убедить его помочь ещё раз — у нас будет шанс.

— А если не сможем?

— Тогда, — Веденин встал, — мы справимся сами. У нас есть формула. У нас есть резонатор. И у нас есть Паша, который записывает всё, что мы делаем. Профессор вздохнул.

— Мальчик мой, — сказал он. — Ты всегда любил сложные задачи. Но эта... эта может тебя убить.

— Я знаю, — Веденин посмотрел в окно. Над Тверью вставало серое, холодное утро.

— Но если я не попробую — они убьют всех. Рано или поздно. Врата не закрываются сами.

Он обернулся.

— Мы едем в Нижний Новгород. К Глебову. А потом — в Москву. И, Илья Матвеевич... если через неделю я не дам о себе знать — сожгите фолиант. Все копии. Все записи. Чтобы «Печать Молчания» не досталась никому.

Профессор молча кивнул. И, когда они уже стояли в прихожей, придержал Веденина за локоть.

— Миша. — Голос у старика дрогнул. — Твой учитель был глупцом, что связался с этим делом. Но он не ошибся в тебе. — Он сжал Веденину руку. — Промежутки важнее слов. Это я ему сказал. Тридцать лет назад. И я буду гордиться, если ты не забудешь.

— Я не забуду, — сказал Веденин.

И вышел на серое, холодное утро.

Глава 7. Книжная лавка на Покровке

I

Нижний Новгород встретил их ярмаркой.

Октябрь был на исходе, но город ещё гудел: купцы, лоточники, странники, богомольцы, загоревшие бирючные ловчие с волжских переправ. На Большой Покровской толкались телеги, звенел фарфор, пахло рыбой, яблоками и скипидаром. Гармонист играл возле весовых, и его слышно было за два переулка — не потому что громко, а потому что упрямо.

Веденин, Софья и Паша сошли с поезда на Московском вокзале и сразу затерялись в толпе.

— Сюда, — сказал Веденин и повернул в переулок. Книжная лавка Глебова находилась на Покровке, в старом двухэтажном доме с облупившейся штукатуркой. Вывеска была скромная: «Книги. Рукописи. Старина». Внутри пахло пылью, кожей переплётов и немного — ладаном. За прилавком сидел человек лет пятидесяти, сухой, с длинным лицом и усталыми глазами. Он поднял голову, когда колокольчик над дверью звякнул, и внимательно посмотрел на вошедших.

— Чем могу служить? — Голос был ровный, без интереса.

— Ищем «Печать Молчания», — сказал Веденин.

Человек за прилавком не изменился в лице. Но его рука, лежавшая на прилавке, медленно сжалась в кулак.

— Не знаю такой книги.

— Знаете. — Веденин подошёл ближе. — Николай Валерьянович. Я от барона Корфа. Он умер три недели назад. Перед смертью он назвал ваше имя. Глебов молчал. Потом встал, подошёл к двери, повернул табличку на «Закрыто» и задёрнул штору.

— Кто вы? — спросил он, оборачиваясь.

— Михаил Веденин. Переводчик. Это Софья Корф, племянница барона. А это Павел Куликов, мой помощник.

— Барон был дураком, — сказал Глебов без злобы. — Умным, добрым дураком. Он думал, что можно играть с огнём и не обжечься. — Он помолчал. — Что вам нужно?

— Формула «засова». Мы знаем, как её прочесть. Но нам нужно знать, где «Искатели» держат пластину. И как к ней подобраться.

Глебов долго смотрел на них. Потом вздохнул.

— Ладно. Проходите в подсобку. Там поговорим.

II

Подсобка была крошечная, заставленная ящиками с книгами. Глебов налил всем чаю из помятого самовара и сел напротив. Паша сел — и через минуту встал, потому что сел на молоток, который сам же туда положил.

— Я был в ложе восемь лет, — начал Глебов. — Вступил молодым, глупым, голодным до знаний. «Искатели» обещали доступ к тому, чего не знает никто. И они не лгали. Они действительно знают много. Слишком много. — Он поморщился. — Но когда я увидел, что они делают с людьми... с теми, кто не может противостоять резонансу... я ушёл. Тихо. Они не преследовали — им было всё равно. Один человек, который знает слишком много, но молчит, — не угроза. Пока молчит.

— Что вы видели? — спросила Софья. Она была бледна, но голос ровный. Глебов долго молчал. Потом сказал — тихо, в стол:

— В девяносто шестом году ложа проводила испытание в подмосковном поместье. Добровольцев было четверо. Я читал; я тогда ещё пел, как теперь Бреннер. Трое — испугались. Один не испугался. Он был сильным, крепким, храбрым. У него было пятеро детей. — Глебов поднял глаза. — Его нет. Ни тела, ни могилы. Его жена ждёт до сих пор — она пишет мне каждый год. Я не отвечаю. Я не знаю, что ответить.

— Почему вы тогда не ушли раньше? — спросила Софья. — Вы видели уже многое.

— Я уехал из Москвы, — сказал Глебов. — После той ночи на Знаменке, когда мы с вами виделись. Понимаете, меня им слишком легко найти: книга — это вывеска, вывеска — это адрес. — Он кивнул на прилавок. — Здесь у меня спокойнее. И глупее. И честнее, чем было.

— А теперь? — спросила Софья.

— А теперь, — Глебов посмотрел на неё, — они получили пластину. И они не будут молчать. Они будут искать способ прочесть её без риска. И когда найдут — начнут действовать. — Он помолчал. — Пластина в их московском особняке на Пречистенке. Там раньше была гимназия, потом — ложа. Подвал перестроен: толстые стены, свинцовая обшивка, специальные резонаторы. Они готовятся.

— Сколько человек в ложе? — спросил Веденин.

— В Москве — двенадцать. Из них трое — учёные, остальные — деньги и связи. Главный — Бреннер. Аркадий Львович. Он не фанатик. Он делец. Он хочет продать врата тому, кто больше заплатит. А платить готовы многие.

— Люди, которых вы описали, — сухо сказал Веденин, — не похоже на то, что их можно «продать».

— Не в этом дело. — Глебов поднял палец. — Бреннер думает не о Истине и не о Первооснове. Он думает о пользе. Польза — это сильнее любой веры.

III

Паша, сидевший в углу с чашкой чая, вдруг поднял голову.

— Простите, Николай Валерьянович. А вы не знаете, у Бреннера есть слабость? Ну, какая-нибудь привычка? Что-то, что он делает всегда? Глебов задумался.

— Есть. Он каждое утро ходит в одну и ту же кофейню на Кузнецком мосту. Пьёт кофе с коньяком и читает «Московские ведомости». Ровно в девять. Каждый день. Без исключений.

Паша кивнул.

— Спасибо. Это может пригодиться.

Веденин посмотрел на него.

— Что ты задумал?

— Пока не знаю, — честно сказал Паша. — Но что-то. Я всегда что-то задумываю. Даже когда забываю, где очки.

Они вышли из лавки в сумерках. Город горел огнями, ярмарка шумела, и где-то играла гармонь — та самая, упрямая.

— Что вы думаете? — спросила Софья.

— Думаю, что он не врёт, — сказал Веденин. — И думаю, что у нас есть шанс. — Он сжал коробочку с резонатором в кармане. — Но сначала нужно вернуться в Москву. И найти способ проникнуть в особняк на Пречистенке.

— У вас есть план?

— Пока нет. — Веденин улыбнулся впервые за много дней. — Но я работаю над этим. Паша, шедший за ними, вдруг остановился.

— Михаил Андреевич, — сказал он. — А я, кажется, придумал.

— Что придумал?

— План. — Паша просиял. — Бреннер ходит в кофейню каждое утро. Один. Без охраны. Если мы подойдём к нему там — в людном месте, где он не сможет ничего сделать, не привлекая внимания, — и предложим сделку...

— Какую сделку?

— Мы отдадим ему формулу. Настоящую. Но с одной ошибкой. Такой, чтобы он думал, что она работает, а на самом деле — нет. — Паша пожал плечами. — Он потратит несколько дней, пытаясь её использовать. А мы за это время проникнем в особняк и запечатаем врата.

Веденин смотрел на него с изумлением.

— Паша, — сказал он, — ты уверен, что ты просто переписываешь за мной бумаги?

— А что? — Паша смутился. — Я всегда думал, что это очевидно. Ну, про формулу с ошибкой. Это же просто. Как клякса на «Печати Молчания». Если поставить её в нужном месте — никто не заметит, что это ошибка. Софья засмеялась.

— Михаил Андреевич, — сказала она, — а ваш помощник, кажется, гений.

— Я знаю, — Веденин покачал головой. — И это пугает меня больше, чем «Искатели».

IV

Вечером они сидели в комнате при трактире, куда Глебов провёл их по-дружески, тихим двором, минуя общий зал.

Веденин раскладывал на столе чертежи — те самые, что он купил у старьёвщика за бесценок. Особняк на Пречистенке: бывшая гимназия, высокая ограда, подвал, который Глебов называл «лабораторией».

— Значит, так, — сказал он. — План Паши хитрый, но он работает только при одном условии: формула должна быть правильной. Настолько правильной, чтобы Бреннер поверил. Настолько неправильной, чтобы она не сработала. — Он посмотрел на Пашу.

— Ты уверен, что сможешь?

Паша пожал плечами.

— Мне не нужно быть уверенным. Мне нужно быть осторожным. — Он достал из папки лист. — Смотрите: здесь я оставил все три строки. Но в третьей — вместо гортанного придыхания — мягкий знак. Его читают, как придыхание, если не смотрят внимательно. А если смотреть внимательно — читают по-другому. И тогда... — Паша пожал плечами,

— ...тогда звук расходится. В никуда.

— А если он всё-таки работает? — спросила Софья. — Если Бреннер прочтёт её вслух и...

— Не прочтёт. — Веденин покачал головой. — Он не дурак. Он будет проверять. В лаборатории. С резонаторами. — Он помолчал. — И когда поймёт, что формула с ошибкой — найдёт ошибку и починит её.

— Сколько у нас времени?

— Дня два. Может, три.

— Мало, — сказала Софья.

— Много, — сказал Веденин. — Если мы пойдём ночью и не будем шуметь. Паша вдруг поднял руку.

— Простите, что перебиваю. Но у меня вопрос.

— Какой?

— А что, если Бреннер не придёт в кофейню? — Паша нахмурился. — Глебов говорит: он ходит каждый день. Без исключений. Но после того, как мы забрали пластину, после того, как исчез фон Штейн, после того, как «Искатели» потеряли особняк на Знаменке... Может, он уже не тот, кем был.

Веденин молчал.

— Он придёт, — сказал он наконец. — Потому что он делец. Дельцы не меняют привычек. Привычки меняют их. — Он посмотрел на Пашу. — Но вопрос хороший. Если он не придёт — придумаем другое.

Софья встала к окну. За окном горел Нижний, ярмарка шумела, и гармонист где-то играл до сих пор.

— Хорошо, — сказала она. — Утром — в Москву.

— Утром — в Москву, — согласился Веденин. — А ночью — спать. Если получится.

— Получится, — сказал Паша. — Я устал так, что не помню, где очки. А значит, мне ничего не помешает уснуть.

Софья засмеялась — и вдруг тише, чем улыбалась обычно.

— Дядя был бы вами доволен, — сказала она. — Обоими. Веденин не ответил. Но он положил руку на папку Паши — и не убрал её, пока не уснул.

Глава 8. Кофейня на Кузнецком

I

На Остоженке они сняли комнату у вдовы коллежского секретаря — с двумя окнами во двор, с кривой печью и хозяйкой, которая задавала слишком много вопросов, пока Веденин не показал ей пять рублей. После этого вопросов не было. Ночью они работали.

Веденин положил перед собой чистый лист и долго смотрел на него, как сапёр смотрит на поле, по которому придётся идти.

— Три строки, — сказал он наконец. — Больше не надо. Больше — подозрительно. Бреннер видел пластину, значит, знает: формула «засова» короткая. Но у короткой формулы есть недостаток: её легко проверить глазами. А нам нужно, чтобы он проверил её именно глазами — и нашёл то, что искал.

— То есть ошибку, — сказал Паша.

— То есть ошибку. Одна. Маленькая. Настолько маленькая, что заметит её только человек, который знает язык. Бреннер знает. И я знаю, какую он заметит: в третьей строке вместо гортанного придыхания я поставлю мягкий знак. Он будет уверен, что это описка переписчика. Он будет прав — и именно поэтому не заподозрит остального. Паша склонился над черновиком. Переписал. Посмотрел.

— Простите, Михаил Андреевич. А если он захочет проверить формулу вслух? На комнибудь?

За столом стало тихо.

— Не захочет, — сказал Веденин после паузы. — Он видел, чем кончается чтение вслух. У него на глазах исчез человек, у которого на столе оставался горячий чай. Он не станет проверять её на живом человеке. Он будет перечитывать её глазами — снова и снова — и искать несостыковки. А несостыковка одна, и она удобная: описка.

— Значит, нам повезло, — сказала Софья с того конца стола.

— Нет. Это не везение. Это расчёт. Дельцу, который торгует смертью, можно продать что угодно — кроме очевидной подделки. Подделка должна быть несовершенной. Настоящее всегда чуть-чуть неидеально — вот чему учат архивные мыши вроде меня. Паша вдруг поднял руку.

— Простите. Можно я… — он замолчал, подбирая слова, как подбирают дорогу по льду. — Лист слишком чистый. Человек, у которого в тайнике сорок строк на металле, не носит

с собой формулу, переписанную набело, на свежей бумаге. Она должна выглядеть… не как подача. Как находка.

— Продолжайте.

— Если я уроню её в кофейне, — сказал Паша, — она должна быть со следами. Загнутый уголок. Пятно от чернил. Проколы слева — как от подшитого протокола. Чтобы Бреннер подумал: вот лист, который вывалился из чужих бумаг. Случайно. Сам. Веденин посмотрел на него долгим взглядом.

— Вы когда-нибудь работали в сыске, Павел Сергеевич?

— Никогда. — Паша смущённо потупился. — Я просто переписываю бумаги. И боюсь людей. А когда боишься людей, начинаешь думать, как они думают. Это помогает бояться чуть меньше.

Софья тихо усмехнулась.

— Михаил Андреевич, — сказала она. — А ваш помощник, кажется, опаснее всей их ложи.

— Я знаю, — Веденин вернулся к листу. — И это пугает меня больше, чем вся их ложа. К четырём утра формула была готова. Три строки. Загнутый уголок. Пятно от чернил в правом верхнем углу — Паша ставил его, высунув язык, с той же тщательностью, с какой выводил бы печать. Проколы слева. И одна ошибка. В третьей строке. Вместо гортанного придыхания — мягкий знак.

— Бумага помнит лучше, чем я, — сказал Паша и улыбнулся впервые за несколько дней.

II

Кузнецкий мост в половине девятого утра стоял в тумане. Туман в осенней Москве всегда был плотским: он обнимал прохожих, глотал колокольный звон с Никольской и делал лица смутными, как акварель.

Кофейня, о которой говорил Глебов, стояла в начале моста: витражная ширма, мраморный прилавок, зеркала в тяжёлых рамах и запах свежемолотого кофе, смешанный с коньячным. По утрам здесь сидели присяжные поверенные и страховые агенты; по вечерам — дамы с манто и кавалеры с бухгалтерскими заботами. Ровно в девять — не в восемь пятьдесят девять и не в девять одну — на пороге появился Бреннер.

Паша, сидевший за столиком у окна с чашкой чая, узнал его мгновенно, хотя никогда прежде не видел. У такого человека не могло быть другого лица: сухого, собранного, с прямым носом и пенсне, которое он поправлял не рукой, а кончиком пальца — коротко и брезгливо, как поправляют неудобного слугу. Он сел у второго окна, спиной к стене: привычка человека, который покупает чужие тайны и помнит, что у чужих тайн есть родственники.

Официант знал его. Не по имени — по жесту: кофе, коньяк отдельно, «Московские ведомости» поверх стакана.

— Он не оглядывается, — прошептал Паша, не поворачивая головы. — Вообще. Ни разу с порога.

— Потому что не боится, — так же шёпотом ответил Веденин из-за своей газеты. — Смотри на лист. Не на него.

Паша допил чай. Положил рядом папку. Выправил её, снова потянулся — и опрокинул. Бумаги разлетелись по паркету с тихим шорохом. Паша вскочил, зачастил извинениями — перед официантом, перед дамой за соседним столиком, перед зеркалом, кажется, тоже. Собирал листы двумя руками, неловко, как собирают рассыпанные карты в чужом доме.

Один лист остался на полу. У самого столика Бреннера. Загнутым уголком вверх. Паша допил чай, расплатился и вышел — не оглянувшись. Дверца с витражом качнулась и стихла.

Бреннер ещё секунду держал газету. Потом опустил её на скатерть, нагнулся и поднял лист.

Веденин видел его лицо в отражении зеркала.

Сначала — удивление: ровное, без гримасы, как у человека, привыкшего удивляться только цифрам. Потом — жадность: она прокатилась по скулам и тут же была прибрана. И потом — подозрение. Бреннер медленно выпрямился, посмотрел на дверь, за которой исчез Паша, на окно, на даму за соседним столиком, на паркет под своим креслом.

И спрятал лист. Не в карман сюртука — в портфель, под замок. Потом расплатился и ушёл. Газету оставил сложенной.

— Сработало, — сказал Веденин пустой кофейне.

III

Туман к полудню разошёлся — и вместе с ним разошлось впечатление, что всё прошло слишком гладко.

На Мясницкую они шли молча. Софья шла на полшага впереди и потому первой увидела.

— Не оборачивайтесь, — сказала она ровно. — Через дорогу, у трамвайной остановки. Серое пальто, шляпа с низкой тульей. Он вышел из-за угла, когда мы повернули. Не догоняет. Не отстаёт. Шаг с ним.

Веденин не сбавил шага.

— Сколько времени за нами?

— От кофейни. Может, от самого утра.

— Значит, Бреннер поднял лист, прочёл — и выслеживал не нас. Он выслеживал того, кто ронял папку, чтобы понять, куда лист должен был вернуться. — Веденин открыл подъезд. — Он думает не как фанатик. Это хорошо. С фанатиком я не умел бы говорить.

На третьем этаже Паша отпер дверь — и замер.

На пороге, вплотную к косяку, лежал сложенный вчетверо листок. Белая бумага на тёмном полу.

Паша поднял его, не касаясь руками, развернул.

— «Проверка в девять утра завтра. Один. Если придёте с приятелями — формула сгорит вместе с вами». — Он поднял глаза. — Подписи нет. Есть знак. Круг, рассечённый тремя линиями.

— Он принял приманку, — сказала Софья. — И назначил свою цену.

— Он назначил свою территорию, — поправил Веденин. — «Один» — это проверка не формулы. Это проверка меня. Посмотрим, что окажется твёрже: его недоверие или мой торг.

IV

На следующий день, ровно в девять, Веденин вошёл в кофейню на Кузнецком. Бреннер сидел за тем же столиком. Газета лежала сложенной и нетронутой. Коньяк был выпит — единственный пустой стакан на столе.

— Садитесь, Михаил Андреевич. Вы не против, что я знаю ваше имя? — Бреннер не поднял головы. — Его я взял у мёртвого следователя. В судах на дверях пишут, к кому стучатся.

Веденин сел напротив.

— Константин Эдуардович ничего не рассказывал мне о вас. Он не успел.

— Потому и исчез. — Бреннер сложил руки на столе. — Ладно. Формула. Она у меня. Три строки. В пластине — сорок. Объясните.

— В пластине сорок строк, потому что сорок строк — это предупреждение. Инструкция, как не умереть рядом с вещью, которая вас убьёт. Формула «засова» — три строки. Всё остальное — как обращаться с дверью, которая уже закрыта. Вам нужна не пластина, Аркадий Львович. Вам нужен ключ.

— Ключ?

— Способ расставить промежутки. — Веденин положил на стол чистый лист и перо. — Ваша пластина мертва для любого, кто не умеет её читать. Читать нужно молча, с паузами определённой длины. Я продаю не текст, Аркадий Львович. Я продаю способ его прочесть. Текст у вас есть. Способа нет.

Бреннер долго молчал. Потом снял пенсне, протёр его платком — не потому, что оно запотело, а потому, что так он выигрывал время.

— Почему вы вообще говорите со мной? Вы могли сжечь пластину.

— Мог. — Веденин поднял на него глаза. — Но тогда «Искатели» нашли бы другой способ. Другого мальчишку, который переписывает бумаги. Другого следователя, у которого на пороге остаётся горячий чай. Я хочу закончить это сам. Раз и навсегда. И для этого мне нужно, чтобы вы поверили, что я на вашей стороне. Поэтому я торгуюсь. Поэтому я предлагаю способ — а не свободу.

— Способ, который вы можете дать мне только один раз.

— Способ, который даётся один раз. — Веденин встал. — Я буду ждать до полудня. Если согласны — пришлите ко мне человека. Если нет — я найду другого покупателя.

— Погодите. — Бреннер поднял руку. — Один вопрос. Формула, которую ваш мальчик оставил мне вчера. Она верная?

— Абсолютно.

— Вы уверены?

— Аркадий Львович, — Веденин улыбнулся — редкой, тяжёлой улыбкой человека, который давно не улыбался, — я тридцать восемь лет живу словом. Слова — это всё, что у меня есть. Если я продам вам неверное слово, вы найдёте меня. Я двадцать лет расставляю запятые в чужих состояниях. Я не путаю их в бумагах, за которые платят золотом.

Бреннер молчал.

— Идите, — сказал он наконец. — Человек придёт.

Веденин вышел. Туман уже разошёлся, и Кузнецкий мост стоял ясный, шумный, обыкновенный.

В это же утро, за другим концом города, один из двенадцати — не самый первый по фамилии, но самый первый по подписи — ставил в Особом журнале ложи пометку, которую потом прочтут вслух в суде: «Гость готов. Ждём».

Глава 9. Двенадцать

I

К вечеру следующего дня они занимали столик в чайной напротив особняка на Пречистенке — с мутными окнами, из которых пахло ливерной колбасой и мокрым сукном.

Особняк стоял в глубине двора, за чугунной оградой с каменными столбами. Когда-то здесь была гимназия — трёхэтажное здание с высокими окнами и облупившейся штукатуркой. Теперь окна были занавешены плотными шторами, у ворот стоял человек в штатском, и лицо у него не выражало ничего — как у статуи, которой забыли дать имя.

— Двое у ворот, — считала Софья, не глядя на дом. — Один во дворе. Ещё один у чёрного хода. Итого — четверо видимых.

— Вдобавок к ним — двенадцать, — сказал Веденин. — Из них трое учёных, остальные — деньги и связи. Денежные приходят днём и уходят к ужину. Учёные остаются на ночь.

— А сегодня — собрание. — Паша кивнул на улицу. — Третий экипаж за последние полчаса. Все — глухие кареты, без гербов. И все въезжают во двор, а не к парадному. Софья приподнялась. В третий раз, когда коляска свернула к воротам, она задержала взгляд на пассажире.

— Стародубский. — Она снова опустилась на сиденье. — Пётр Николаевич. Я знаю его жену — она моя кузина по материнской линии. У них на новоселье подавали зайца под рябиновым соусом. И вишнёвую наливку.

— Значит, у нас одиннадцать имён, — тихо сказал Паша и достал блокнот.

— Одиннадцать, — согласилась Софья.

— Двенадцатое — Бреннер, — Веденин закрыл глаза. — Итого двенадцать. Эта ложа

— не секта безумцев. Ложа — это список. А список — вещь, которую можно унести в руках. Помните, что говорил Глебов?

— Список в подвале, — сказал Паша. — В ящиках. Если верить Николаю Валерьяновичу.

— Список в подвале, — повторил Веденин. — Значит, в подвале есть и другое. Идём.

II

Подземный ход начинался в подвале соседнего дома — бывшей гимназии, которая теперь пустовала. Глебов дал им ключ от чёрного хода и план, вычерченный на миллиметровке тридцатилетней давности.

— Ход узкий, — предупредил он. — В некоторых местах придётся ползти. И темно. Фонарь?

— Есть.

— Тогда слушайте. В подвале особняка есть комнатка, где они хранят бумаги. Старые бумаги ложи. Протоколы. Переписку. Если вы сумеете их взять — это будет доказательство. Для суда. Для газет. Для всех, кто не верит, что «Искатели» существуют.

— Мы возьмём, — сказал Веденин.

Паша вдруг поднял руку.

— А можно я? Ну, бумаги. Я умею с бумагами. Это… это моё. Веденин посмотрел на него.

— Хорошо. Ты возьмёшь бумаги. Но сначала — пластина. Понял?

— Понял. Сначала пластина. Потом бумаги. Потом чай. Я проговариваю порядок вслух, чтобы не запутаться. — Он помолчал. — Это помогает не потерять перо. Спуск начался в одиннадцать вечера.

Стены из старого кирпича тянулись в темноте, покрытые налётом сырости. Вода под ногами доходила до щиколоток. Паша шёл следом за Веденином и считал повороты — шёпотом, как считают удары сердца.

— Первый. Второй. Третий. Направо. Налево. Прямо.

— Ты считаешь вслух, — прошептала Софья.

— Мне так легче не потеряться, — отозвался Паша. — Если я потеряюсь — я потеряю и счёт. А счёт у меня один.

— Четвёртый, — сказал Веденин. — Стоп.

Впереди, в десяти шагах, был поворот. И за поворотом — дыхание. Не одно. Два. Может, три.

— Засада, — прошептала Софья.

— Или охрана, — сказал Веденин. — Паша, ты можешь их обойти?

— Могу. Но тогда я потеряюсь.

— Не потеряешься. Ты всегда находишь выход.

— Нахожу. Но не всегда тот, который нужен.

III

Обход занял двадцать минут.

Паша повёл их по обходной трубе, которую нашёл не глазами, а звуком: там, где вода шла глухим, приглушённым потоком, свод был выше и толще — значит, там никого не было. Он подводил их шаг за шагом, как ведут по нотам, и в конце вывел к круглому колодцу, из которого вверх уходили три вентшахты.

— Мы здесь, — выдохнула Софья, выбираясь на сухой пол подвала. Подвал особняка оказался больше, чем они думали. Три комнаты, соединённые коридорами. В первой — ящики с бумагами, накрытые рогожей. Во второй — пустые стеллажи. В третьей — дверь, обитая железом.

Паша присел на корточки над первым ящиком. Снял рогожу. Внутри лежали связки документов, перевязанных бечёвкой.

— Михаил Андреевич, — прошептал он. — Тут они. Он начал перебирать бумаги — быстро, аккуратно, почти не глядя, откладывая важные в свой саквояж. Протоколы. Переписка. Финансовые отчёты — суммы в столбцах, фамилии в подписях.

И — журнал.

Толстая тетрадь в переплёте из серой кожи. На первой странице — заголовок: «Особый журнал ложи».

Паша раскрыл его.

— Двенадцать фамилий, — прошептал он. — И три подписи. Одной рукой. Почерк один и тот же.

Веденин подошёл и посмотрел. На развороте стояли фамилии — одна ниже другой, столбцом. А внизу — три росчерка. Один из них Веденин узнал раньше, чем успел сообразить, откуда.

Этот росчерк он видел вчера. В кофейне на Кузнецком. На квитанции, которую Бреннер оставил официанту.

— Паша, — сказал Веденин очень тихо. — Ты молодец.

— Простите?

— Ты молодец. Не отвлекайся. Бумаги — в саквояж. И вперёд.

Глава 10. Резонатор

I

Дверь, обитая железом, поддалась не сразу. Софья нашарила в темноте щеколду — простую, студенческую, как в кладовой пансиона, — и потянула. Дверь открылась с тихим скрипом, и из лаборатории потянуло холодом.

— Осторожно, — прошептал Веденин.

Лаборатория была просторной и низкой. Стены были обиты свинцом — он глушил звук так же, как гасит запах, и потому внутри стояла тишина, от которой хотелось говорить шёпотом даже наедине с собой. Вдоль стен — медные кольца, приборы, стеклянные колбы с осевшим на дно осадком. В центре — стол из тёмного дуба. На столе лежала пластина.

Серый металл. Знакомая вязь. Знакомый холод — такой же, как в кабинете фон Штейна, как в нише на Знаменке, как в записной книжке на груди. Веденин подошёл и взял её.

Она была холодной. Такой же холодной, как в первый раз. Но теперь холод не пугал его. Он знал, что это значит.

— Она вас не узнала, — тихо сказала Софья.

— Знаю.

— На Знаменке она потеплела. Здесь — нет. Дядя говорил: подлинник узнает того, кто способен его прочесть.

— Значит, здесь он уже не хочет, чтобы его читали. — Веденин положил пластину на стол. — Или здесь он уже не хочет, чтобы его читал кто-то из нас.

II

— Паша, — сказал он. — Отойди к двери. Софья, следи за коридором.

— А вы?

— Я буду читать.

Он достал резонатор — медную коробочку, которую Глебов вручил ему в подземелье,

— и поднес ее к пластине.

— Первая строка, — прошептал он. — Пауза. Вторая. Пауза. Резонатор не глушил звук. Он направлял его. Первая строка отозвалась колоколом — низким, медным, от которого дрогнули свинцовые стены. Но звук был не в комнате. Он был в пластине. И он был тише, чем должен был быть, — потому что резонатор держал его. Вторая строка — спокойная рябь. Воздух над столом пошёл мелкой дрожью, как над раскаленной печью.

Третья строка. Выдох.

Пластина замерла.

И потом в лаборатории наступила тишина.

Не просто тишина. Тишина, которая звучала. Низкая, ровная, тёплая, как дыхание спящего. Она держалась секунду — потом ушла. И ушла окончательно.

— Тишина — это тоже звук, — прошептал Веденин. — Особенно когда она звучит. Барон был прав.

— Всё? — прошептала Софья.

— Всё. Формула «засова» блокирует резонанс. Навсегда. Даже если кто-то произнесёт прямую формулу — ничего не произойдёт.

— А если обратную?

— Тоже ничего. — Веденин улыбнулся. — Мы закрыли дверь с обеих сторон. Теперь её не открыть.

III

Они уже собирались уходить, когда из коридора послышались шаги.

— Прячьтесь! — прошептал Веденин.

Софья и Паша нырнули за стеллаж. Веденин — за стол. Дверь лаборатории открылась.

Бреннер был один. И он был в ярости.

— Мальчишка, — процедил он. — Мальчишка с папкой. Я знал, что это ловушка. Я знал!

Он подошёл к столу. Увидел пластину. И замер.

— Нет, — прошептал он. — Нет. Вы не могли… Он схватил пластину. Поднёс к свету. Потёр пальцем. Металл, ещё утром отдававший могильным холодом, теперь был тёплым и тусклым — как старое серебро.

— Мертва, — сказал Бреннер. — Она мертва.

Он медленно повернулся. И — увидел Веденина.

— Вы.

— Я, — сказал Веденин, выходя из-за стола. — Добрый вечер, Аркадий Львович. Бреннер смотрел на него с ненавистью.

— Вы понимаете, что вы натворили? — прошептал он. — Вы уничтожили то, что я строил два года. Что я купил. Что я обещал. — Он сжал пластину так, что пальцы побелели. — Вам это ничего не стоит. Вы просто стираете. Стираете и уходите.

— Я стираю то, что стирает других. — Веденин не двигался. — Людей, Аркадий Львович. Ваши колокола не поют — они глотают. Фон Штейн исчез из запертого кабинета, и вы это знаете. Вы знаете, что происходит с тем, кто стоит слишком близко к двери.

— Я знаю, что вы стоите близко к двери. — Бреннер поднял руку, и в ней была не трубочка — револьвер. — Отойдите от стола.

— Не отойду.

— Отойдите. Или я…

Он не договорил. Софья выстрелила.

Пуля прошла над его плечом — но он был ближе к столу, чем рассчитывал. Пуля задела его левую руку — ту самую, которой он держал револьвер. Он охнул. Револьвер рванулся и ударил в потолок. Бреннер схватился за руку.

— Паша! — крикнул Веденин. — Дверь!

Паша не побежал к двери. Он бросился к Бреннеру — с саквояжем в руках, не назад, а вперёд.

— Паша!

— Если он упадёт — поднять не сможем! — крикнул Паша и не договорил. Из коридора, за Бреннером, показались люди. Трое. Четвёртый — с лицом, изрезанным шрамами, в кожаном пальто — вошёл первым и вскинул револьвер в каждой руке.

Софья выстрелила второй раз.

Паша врезался в третьего, с ножом. Тот не ждал удара саквояжем в грудь — оба покатились по полу.

— Паша! — крикнула Софья.

— Я случайно! — отозвался Паша из-под нападавшего. — Я не хотел! Оно само! Веденин шагнул к Бреннеру.

— Прекратите! — крикнул тот. — Врата! Вы запечатали врата! Вы понимаете, что это значит?!

— Понимаю, — сказал Веденин. — Это значит, что вы больше не можете продать то, что было у вас. Что вы стоите здесь, раненый, с мёртвой пластиной в руке. Это значит, что ваш бизнес кончился.

Он ударил Бреннера рукояткой револьвера.

IV

Бреннер упал.

— Свяжите их, — сказал Веденин. — Всех. И уходим. Быстро. Софья уже связывала человека с двумя револьверами. Паша — всё ещё лежавший на полу — пытался связать своего, но верёвка путалась.

— Паша, — сказал Веденин, — оставь его. Он не встанет. Ты его саквояжем так приложил, что он неделю будет вспоминать.

— Простите, — Паша поднялся, отряхиваясь. — Я не хотел. Правда.

— Я знаю. — Веденин взял саквояж. — Идём. Через подвал. Там ход к реке. Они вышли из лаборатории, оставив Бреннера и его людей связанными на полу. В коридоре было тихо. Слишком тихо.

— Михаил Андреевич, — прошептала Софья. — А если там ещё люди?

— Тогда, — Веденин взвёл курок, — мы будем стрелять. Паша, ты как?

— Я в порядке. — Паша похлопал по карманам. — Только… кажется, я потерял очки. И платок. И, возможно, перо.

— Перо у тебя за ухом.

— А. — Паша потрогал ухо. — Спасибо. Я всегда всё теряю. Даже когда не хочу. Они бежали по коллектору, пригибаясь под низкими сводами, и Паша вёл их — вёл сам, без колебаний, по поворотам, которые запомнил на входе. Первый. Второй. Третий. Направо. Прямо, несмотря на то что на плане было налево.

— На плане налево, — задыхаясь, сказала Софья.

— На плане тридцатилетней давности, — отозвался Паша. — А тут обвал. Я его запомнил, когда шли туда. Идём прямо.

Веденин не стал спорить. Прямо свод был цел.

V

У выхода из подвала их ждали.

Двое — в чёрных пальто, с револьверами, у самой лестницы наверх. Они вышли из-за колонны, когда трое уже были на середине подвала.

— Стойте. — Голос был молодым и дрожал. — Назад. Софья шагнула вперёд — как будто не заметила — и выстрелила в потолок. Кирпичная крошка посыпалась на головы.

— В свою очередь, — сказала она ровно, — если вы не разойдётесь, я буду стрелять в вас. Вы не солдаты. Вы повара, клерки и ямщики, которых позвали на подработку. Я не хочу вас убивать.

Они переглянулись.

— Нам обещали деньги, — сказал один.

— Обещают тем, кто выживет, — сказала Софья. Пауза была длинной. Потом один из них — тот, что постарше, с красными от бессонницы глазами — отступил в сторону. Второй сделал то же самое. Их пропустили.

VI

Они шли к реке молча. У самой Москвы-реки, где в узком стоке вода уходила под тонкий, ещё не окрепший лёд, Веденин остановил их.

— Дышите. — Он отёр лицо рукавом. — Слушайте меня. Завтра утром в особняк на Пречистенке войдёт полиция. И найдёт связанного Бреннера и пустые ящики, из которых мы взяли бумаги. К вечеру следующего дня «Искатели Первоосновы» будут читать о себе в «Московских ведомостях». Мы должны успеть к этому времени. Понимаете?

— Понимаем, — сказала Софья.

— Тогда — по домам. Пока. — Веденин поднял воротник пальто. — Завтра мы работаем. Сегодня — живём.

— Паша, — спросила Софья, когда они шли по набережной, — ты понял, что случилось с Бреннером?

— Я понял, что он попал в свою же ловушку, — сказал Паша, глядя на лёд реки. — Он думал, что формула — вещь. А она — способ. Способ нельзя украсть. Его можно только узнать.

Софья ничего не ответила. Она шла, глядя на тёмную воду, и в её лице не было ни страха, ни торжества. Только усталость. И — если присмотреться — покой.

— Завтра, — сказал Веденин, — мы идём в суд.

Глава 11. После

I

Они вернулись на Остоженку, когда город уже проснулся. По Садовой везли бочки с квасом, из булочной на углу тяло тёплым хлебом, будочник грел руки о казённую жестяную печку. Обычное утро — у которого не было ни малейшего понятия о том, что этой ночью в подвале на Пречистенке умер и снова ожил металл. Веденин запер дверь на два оборота, задёрнул шторы и сел за стол. Саквояж опустил на пол с той особенной осторожностью, с какой опускают тяжело больного.

— Паша. Бумаги.

Паша выложил содержимое папки на стол — ровными стопками, как выкладывают коллекцию. Листов набралось несколько десятков: письма, протоколы, счета, списки.

— Это всё? — спросил Веденин.

— Всё, что успел взять. — Паша опустил глаза. — Там было больше: в столе у Бреннера — ящик с перепиской. Но там стояли люди, и я решил, что живой переписчик ценнее полного архива.

— Ты сделал больше, чем нужно. — Веденин придвинул первую стопку. — Смотри. Протоколы собраний — с подписями. Список ложи: двенадцать фамилий; я думал, он существовал только в рассказах Глебова. И деньги. Переводы из Вены. Из Лиона. И из Константинополя.

— Из Константинополя? — Софья подняла голову.

— Из Константинополя. — Веденин постучал пальцем по строке. — Запомни это. К этой строчке мы ещё вернёмся.

Софья взяла лист — осторожно, двумя пальцами, как берут больного за руку:

— Что мы с ними сделаем?

— Отдадим Глебову. Он знает, кому нести: судье, которого нельзя купить, и редактору, которого нельзя запугать. Такие в Москве есть — их мало, и они прячутся. А Бреннер

— дело полиции. Пусть полиция работает: у неё есть ордера, наручники и привычка к чужим тайнам.

— А если он купит и полицию? — спросил Паша.

— Тогда его купит совесть. Но я подозреваю, что кредитор откажется от сделки. Софья не улыбнулась.

— Он жив, — сказала она. — Ранен — и жив. И он сказал про другие врата. Я слышала это дважды, и оба раза он не был похож на человека, который блефует.

— Ты записал, Паша?

— Дословно. — Паша раскрыл блокнот. — «Есть другие. Другие врата. Другие ключи. Вы запечатали одни — но не все». Прямая речь, в кавычках. И время: половина третьего ночи. Охрана на лестнице. Один выстрел — мой. Один — ваш.

— Хороший протокол, — сказал Веденин. — Почти полицейский.

— Я умею переписывать, — сказал Паша без вызова, просто как факт. — Я двадцать лет учусь одному и тому же: буквам. Получается. Софья смотрела на пластину. Она лежала на краю стола — тусклая, серая, обыкновенная, металл, в котором больше не было ни холода, ни звука.

— Дядя говорил: подлинник узнаёт того, кто способен его прочесть, — сказала она. — А теперь он не узнаёт никого.

— Значит, своё он сделал, — сказал Веденин. — Как и его хозяин.

II

К вечеру в квартире стало тихо — той ровной, домашней тишиной, которой здесь не было уже неделю. Паша переписывал протоколы набело, и перо скрипело ровно, как метроном. Чай на плитке остывал трижды, и трижды Паша забывал его выпить.

— Паша, — сказал Веденин, — ты держишь перо. Спать лучше в кровати.

— Я не сплю. — Паша моргнул. — Я диктую. Про себя. Внутренним зрением видно лучше, когда глаза закрыты. Это моя особенность. Софья посмотрела на Веденина поверх папки — и оба промолчали: спорить было бессмысленно, да и незачем.

Час спустя Паша вздрогнул во сне — коротко, всхлипом, как дети, — и проснулся. Посмотрел на лист. Первая половина слов съехала к краю.

— Простите, — сказал он. — Я перепишу.

— Перепиши, — сказал Веденин. — И больше не извиняйся за сон. Ты не спал двое суток, и это единственное, что ты сделал неправильно за эту неделю. Паша посмотрел на него так, как смотрят на неожиданно добрую фразу, — и, не найдя ответа, вернулся к строке.

Софья подошла к окну. Шторы были задёрнуты, и на плотном бархате не было ничего

— только косая полоса света от уличного фонаря, живая и медленная.

— Я боялась не за дядину пластину, — сказала она, не оборачиваясь. — Я боялась, что там, внизу, умирают те, кого я знаю. Опять. Дядя ушёл так тихо, что я даже не успела испугаться как следует. А потом Ливен. Бабаянц. Господин фон Штейн, который пил чай, пока я ждала у дверей суда. Я знала их всех, Михаил Андреевич. Немного. Но знала.

— Их не вернуть, — сказал Веденин. — Ни молитвой, ни судом, ни формулой. С этим я не сумею помочь. Но я могу то, что в моих силах: не дать никому уйти за ними. Это немногое. Но это всё, что есть.

— Дядя говорил, что вы человек, который читает не глазами, а умом, — Софья отвернулась от окна. — Он не сказал главного. Что вы человек, который считает. Мало кто после такой ночи считает не трупы, а живых. Веденин взял со стола серебряную ручку. Поворотная деталь, сапфировый глазок, потёртое серебро — пятнадцать лет в кармане.

— «Миша. Если ты это читаешь, значит, я не успел», — сказал он вполголоса. — Я прочитал. Я не успел. Но у нас есть то, чего не было у него: время. И мы потратим его как следует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.